

Король-демон

11

СВИРЕЛЬ ГАНГМАРА

Виктор Ночкин

Король-демон Ингви

Виктор Ночкин
Свирель Гангмара

«Автор»

2008

Ночкин В.

Свирель Гангмара / В. Ночкин — «Автор», 2008 — (Король-демон Ингви)

Что влечет мальчишек из маленького городка в широкий мир? Мечты о славе и звонком золоте? Так было издревле – и так будет всегда. Но... зачем возвращаются в родной городок Свен и Петер? Удачливый солдат и подающий надежды маг, что им этот городишка, на улицах которого они играли в детстве? И что ищет здесь черный маг и атаман разбойничьей шайки Марольд? Слишком много тайн. Слишком много вопросов. Какими будут ответы?..

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Ночкин, Бэлла Крейнина

Свирель Гангмара

Часть 1

*Свирель, что сгубила любимца богини,
В развалинах баини покоится ныне.*

*Здесь древние стены травой зарастают,
Стоит вместо замка обитель святая.*

*Забыты свирели волшебной напевы.
Внимает Гунгилла молящимся девам.*

*Но ждет и поныне небесная кара
Безумца, что ищет игрушку Гангмара¹.*

Глава 1

Май – лучшее время для путешествия. Насекомых мало, ночи уже довольно теплые, а днем не слишком жарко. Даже достигнув зенита, солнце не палит немилосердно, как к концу лета, да и час-другой пополудни еще достаточно прохладно, чтобы шагать по дороге, не обливаясь потом под ученическим капюшоном. Ну а уж к двум-то часам наставник непременно найдет корчму или постоялый двор, закажет обед и примется расспрашивать кабатчика, не требуются ли кому в округе услуги странствующего чародея. Если клиент сыщется, вечером Петер с наставником будут работать, если нет – отдыхать. После обеда выступать в дорогу чародей не любил – и Петер вполне разделял его убеждения: зачем шагать по солнцепеку, если можно, исполнив заказ, сидеть в трапезной на постоялом дворе и рассказывать пораженным купцам и восхищенным горожанам о собственных приключениях! Мастер Ригирт очень любил это занятие... ну, привирал, конечно, слегка о собственном могуществе и смекалке – как же без этого? Когда Петер окончит ученичество и станет чародеем, тоже непременно каждый вечер будет занимать столик под лампой – там лучше видны странные символы, вышитые на плаще – и рассказывать потрясающие истории о невероятных приключениях и славных победах. И это его, Петера, станут слушать бородатые ткачи и шорники... ну и их дочери, разумеется. Дочери – это очень важно! Так что вечера – не для странствий.

Зато шагать майским утром по тракту, любоваться, как напоследок сверкают, постепенно испаряясь, бриллианты росы в изумрудной траве, слушать радостное пение птиц в придорожных зарослях, среди бледно-зеленой молоденькой листвы и свежих беленьких цветов дикой яблони... как хорошо!

Было бы веселей, если снять капюшон и подставить лицо прохладному ветерку, шелестящему в кустах и обрывающему белые лепестки, да нельзя – обычай строг, ученик чародея обязан скрывать лицо.

---

¹ Стихи Б. Крейниной

Петер вздохнул, чуть сдвинул плотную ткань, насколько позволительно, и вдохнул терпкий весенний аромат. Наставник, мастер Ригирт, широко шагал впереди, твердо опираясь на посох, окованный нижний конец оставлял глубокие ямки в дорожной пыли. Чародею, похоже, не было дела до пения птиц и свежей зелени, он не озирался и не прислушивался. Мастера интересовал ближайший городок, где маг предполагал задержаться на день-другой – в городе, даже небольшом, всегда найдется несколько заказов. Петера городок интересовал еще больше, ибо нынче они шли в Пинед, откуда ученик чародея был родом. Петер не был дома три года, интересно, как там? Что изменилось, кем стали прежние приятели? Как тетка?

Петер осиротел в девять лет, и его воспитанием занялась единственная близкая родственница. А три года назад пристроила любимого племянника, отдала в ученики странствующему чародею, поскольку у мальчика обнаружился Дар. Петер ушел с мастером Ригиртом, а тетя Эгата осталась в домике, принадлежавшем родителям Петера. Как там она? Небось, не ждет Петера? Ну, то есть ждет, конечно, но не сегодня, не в этот день... а вообще – ждет.

Задумавшись, Петер немного убавил шаг. Заметил, что отстал от наставника, и зашагал шире, дергая поводья. Ослик Велинартис, груженный пожитками колдуна Ригирта, послушно засеменял скорей. Ослик дробно топотал, смешно трясся ключьями черной шерсти над копытами, расшвыривая пыль и затаптывая отпечатки сапог Петера и округлые ямки от посоха колдуна...

Ригирт оглянулся и спросил:

– Эй, Петер, а ты ведь из здешних краев, верно?

– Да, мастер, я из Пинеды. Через полчаса там будем, вот сейчас минуем лес, за поворотом каменный столб, и сразу за ним развилка. Направо – к обители гунгиллиных сестер, а прямо – к городу. Оттуда уже рукой подать.

– Ладно. Если хочешь, можешь сегодня после обеда своих проведать. Сперва укажешь мне постоянный двор... есть у вас в Пинед постоянный двор? Я сниму комнату, поставишь Велинартиса в стойло, да и ступай. Если найдем заказчиков, то, наверное, задержимся на несколько дней. Я постараюсь обойтись без тебя, навестишь родню.

– Спасибо, мастер. А может, вам тоже со мной? Тетка наверняка будет рада.

Чародей нахмурился.

– Нет, Петер, так не годится. Мне следует быть на виду, я же объяснял тебе, как важно колдуну произвести правильное впечатление. Кстати...

Теперь голос мага звучал укоризненно.

– Кстати, ты так и не придумал себе имя?

– Нет, мастер, – смиренно ответил ученик. – Я надеюсь, что, окончив ученичество, устроюсь у нас в Пинед, там бессмысленно менять имя, все равно меня знают.

– А, так в этом городе нет колдуна! Тем легче будет получить заказ!.. А ты все же подумай насчет имени.

На этом разговор был окончен. Чародей снова зашагал во главе процессии, и больше не оборачивался. А Петер задумался: верно ведь, внешность, имя, поведение для мага очень важны, он работает на публику... Наставник неоднократно объяснял, что на самом деле только часть гонорара достается колдуну за работу, а, пожалуй, что больше платят за уверенность, которую он дает заказчику одним лишь своим присутствием. Маг должен выглядеть солидно и внушать уважение! Мастер Ригирт как раз вполне соответствует этому условию – крупный осанистый мужчина, и одевается красиво. Темно-зеленый плащ спадает мягкими складками, скрывая недостатки фигуры, добротные сапоги и шапочка с фазаньим пером, толстый посох (шарообразный янтарный набалдашник сейчас скрыт вышитым кожаным чехлом) – очень солидно выглядит чародей. Вообще-то Петер считал, что фигурой и лицом наставник напоминает грушу. Несмотря на постоянные пешие странствия, еще не старый Ригирт отрастил порядочный живот и внушительный зад – притом, что в плечах был не широк. Нижняя часть лица

его тоже порядком отяжелела и невыгодно смотрелась под узким лбом, а красивая шапочка скрывала плешь... но тут уж ничего не поделать, против природы не пойдешь! Зато наряд колдуна выглядит куда как щегольски... Петер вздохнул – никогда он не научится одеваться с таким вкусом... да еще имя! Наставник даже выючного осла назвал Велинартисом – звучно и внушительно, не то что «Петер»... За этими невеселыми рассуждениями ученик чародея не заметил, как прошли лес, и вот уже показался вросший в землю у обочины каменный столб с грубыми узорами, почти скрытыми мхом... Скоро, скоро Петер будет в родном городе!

* * *

В воротах Пинеда пришельцев пропустили, не задавая вопросов. Выглядел чародей достаточно характерно, стражники, конечно, вмиг определили его профессию. Низко опущенный ученический капюшон Петера вполне вписывался в картину, Велинартис же и подавно был вне подозрений. Лица охранников Петеру показались знакомыми, три года назад кажется, эта парочка тоже состояла в городской страже. В том, что латники не признали земляка, не было ничего удивительного – все-таки за минувшее время Петер сильно изменился, да и капюшон... Немного смутило парня то, как быстро оба стражника отвели глаза. Едва мазнули взглядом по чародею и ученику, да и уставились в сторону. Колдунов никто не любит, но Петеру всегда казалось, что в его родном городе отношение к магам более доброжелательное. Наверное, просто прежде по малолетству не обращал внимания, как земляки сторонятся колдунов.

Когда путники миновали портал и оказались на городской улице, Ригирт потребовал:

– Веди на лучший постоянный двор!

– Да, мастер, – кротко отозвался Петер. – На лучший. «Счастливое колесо».

Парень решил не уточнять, что упомянутое заведение – единственное в Пинеде. Лучший или единственный – какая разница? Все равно в городе нет постоянного двора классом выше.

Хозяина «Счастливого колеса» Петер не узнал – новый какой-то, незнакомый. Пристроив осла в стойло и оттащив пожитки чародея в комнату на второй этаж, ученик оставил Ригирта беседовать с кабатчиком и испросил разрешения удалиться. Он уже знал по опыту, что разговор колдуна с владельцем постоянного двора будет долгим и скучным – наставник станет нахваливаться своим мастерством и выведывать, кому здесь можно предложить услуги.

Только теперь, когда чародей остался цедить пиво с незнакомым хозяином «Счастливого колеса», а Петер был предоставлен сам себе – только теперь парень огляделся, узнавая и не узнавая знакомые улицы. Вроде бы все по-прежнему, но что-то не так, как в детстве... что-то совсем не так... Вывески? Над многими лавками появились новые вывески, яркие краски выделяются на темных обшарпанных стенах. Вот и постоянный двор обзавелся изображением тележного колеса, на котором стоит – нет, не стоит, катится, перебирая ногами – веселый мальчик. Петер чуть приподнял капюшон и посмотрел внимательней – хорошо нарисовано! И дитя как живое, улыбается, лукаво глядит, чуть склонив голову, на путников. Жест маленькой руки приглашает зайти. Красивая картина. Петер зашагал по узкой улице, приглядываясь к новым вывескам. На лавке мясника прежде были намалеваны неопрятные багровые колбасы, маленький Петер боялся мясниковой вывески – теперь над дверью красовался веселый пастух, окруженный овцами. Кудрявый юноша играл на свирели, а овцы слушали, тянули морды, на секунду ученику мага почудилось, что он слышит звуки свирели – нет, только почудилось. А художник хорош, ничего не скажешь... такие чудные вывески!

Тем более мрачными казались Петеру полузабытые лица горожан. Его-то в ученическом наряде, конечно, никто не узнавал, но все, до единого, встречные отводили глаза, едва завидев чародейский плащ с капюшоном, и торопливо уступали дорогу. Петеру это было в диковинку. Ему случалось попадать с Ригиртом в края, где колдунов не любили или презирали... но чтобы боялись? Очень, очень странно...

* * *

Петер прошел центральную часть небольшого городка, оставил в стороне грохочущие кварталы мастерских – вот и знакомые узенькие улочки. Здесь располагались жилые дома старой постройки, и почти не встречалось вывесок. Да и прохожих немного... В этих кварталах, примыкающих к городской стене, вовсе ничего не изменилось – кажется, даже сорная трава растет точно так же, как в детстве – каждый пучок на прежнем месте.

Ученик чародея свернул в сырую полутьму переулочка, остановился перед знакомой дверью... Дом выглядел так, словно давным-давно заброшен – окна затянуты паутиной, заметной даже сквозь тусклые дешевые стекла, дверь, кажется, намертво вросла в косяки, щели оплетены клочьями рыжего мха, у порога – кустики бурьяна, которые не тревожит ничья нога... Петер отступил на шаг. Как же так? Где тетка? Почему дом пуст и неухожен? Парень в волнении стянул капюшон и провел ладонью по лицу...

– Петер! Парень, ты вернулся? Здорово, Петер!

Скрипнула, приоткрываясь, дверь – на пороге соседнего дома возник сосед.

– Дяденька Керт? А что здесь?... Почему дом заброшен? Где тетя Эгата?

– Петер, вот здорово! – Керт, ухмыляясь в бороду, оттолкнул дверь и шагнул к парню. – Не волнуйся, жива твоя тетка! Жива и здорова! Замуж вышла и уехала в Генету, а то и в Энмар. Как ты ушел с этим прохвостом, как его, с колдуном этим, так она сразу продала все, что можно, да и уехала с хахалем.

– С хахалем?

– Э, да ты же ничего по малолетству не понял, верно? Хахаль у нее имелся, давно уж Эгатку обхаживал. Приказчиком служил у купца из Генеты, частенько к нам наведывался по торговым делам. Все говорил, что соберет денег и свое дело заведет. Торговое. Так Эгатка-то распродала, что можно, с ним обвенчалась и тут же – фьюить! Мы, говорит, с мужем в Энмар подадимся, город торговый, богатый...

– В Энмар? Так далеко?

Петер никак не мог собраться с мыслями. Не вязалась суетливая, немного шептунья тетка с образом почтенной купеческой жены. Теперь-то он понимал многие странности в ее поведении – и слишком частые отлучки на рынок, и поздние возвращения, когда Эгата приходила затемно – румяная, с блестящими глазами и, если Петер просыпался при ее появлении, все никак не могла привести в порядок растрепавшиеся кудрявые волосы...

– Я так мыслю, что до Энмара они не доехали, а вот в Генете лавку открыть – милое дело! – рассуждал тем временем сосед. – Да я этого купчика, как будто, у нас на рынке встречал, покупал он что-то в кожевенном ряду. Расспросишь там, так узнаешь... Петер! Так ты вернулся, значит! А я гляжу – вроде, чародей какой-то здесь крутится! Ну, думаю... А это Петер наш! Вовсе и не чародей!

– А что – чародей?... – рассеянно спросил парень.

– Ну, плащ же у тебя этот, и вообще... Будто, гляжу, колдун у твоего дома... – Керт осекся и заговорил медленней. – А ты это где сейчас? Кем?

Петер догадался, что сосед припомнил, как прощались три года назад, провожали в ученики.

– Так я и есть ученик чародея, – почему-то смущенно подсказал он, нахлобучивая капюшон. – Все так же, учусь, значит.

– Ага, ага... Да, да... – закивал Керт, пятясь к своей двери. – Точно, да. Верно. Помню. А теперь ты чего, домой?

– Да нет же, я с наставником. На денек-другой. А что, дядя Керт, у вас...

– Извини, парень, – сосед теперь отводил глаза, избегая петерова взгляда из-под капюшона, точь-в-точь, как прочие земляки. От прежней сердечности не осталось и следа. – Мне пора. Дела, то-се... собираться надо, вот...

Дверь за Кертом захлопнулась, Петеру показалось, что он различает соседа, пристально наблюдающего за улицей из-за занавески.

Глава 2

Чем хорошо положение ученика – тебе не нужно самому ни о чем заботиться. Потому и скрывается ученик под капюшоном, что не имеет собственного лица, не может принимать решений, не отвечает ни за что и, фактически, не является никем. Вот пройдет обучение, постигнет науку волшебства, овладеет магией и привыкнет правильно пользоваться Даром – тогда назовется чародеем и снимет капюшон. Кто знает, какое лицо откроется тогда Миру? Говорят, случалось всякое...

Странное поведение земляков Петеру не понравилось, но он, как и подобает ученику чародея, решил пересказать все наставнику, а там уж пусть мастер Ригирт решает, как поступить. Следует ли задерживаться в негостеприимном Пинед, или подобру-поздорову убраться отсюда. С тем парень и поспешил обратно – в «Счастливое колесо».

Там Ригирт заканчивал обед. В трапезной было тихо и пусто. Кроме колдуна, обедали еще двое приезжих, по виду – небогатые купцы.

– А, ученик! – приветствовал Петера маг. – Что так рано? Я думал, ты с родней до вечера останешься.

– Никого не встретил, тетка уехала. С соседом вот поговорил.

– Значит, ты не ел, – сделал вывод чародей, – эй, хозяин! Поди-ка к нам, изволь заказ принять!

Хозяин подошел и остановился в двух шагах от стола, сложив руки под фартуком.

– Чего подать прикажете?

– Похлебку волоки... – задумчиво начал Ригирт. К трапезе он относился очень серьезно и разборчиво.

– Мяса еще изволите?

– Мясо у тебя пересоленное, – отрезал маг. – Думаешь, пива постояльцы больше закажут, чтобы соленое мясо запить? Правильно рассуждаешь, но я ученику пить запрещаю. Сыра подай, фруктов, хлеба. И мне пива кувшинчик.

Пока кабатчик собирал съестное, Петер вполголоса рассказал наставнику о разговоре с соседом.

– Странно как-то. Не замечал, чтобы прежде у нас так к магам относились. Помните, как меня провожали?

– Нет, парень, не помню... – маг покачал головой. – Ну, тетка радовалась, это понятно. Она бы за купчишку давно выскочила, да не хотела, чтоб шептались, мол, парнишку на ноги не поставила, а сама... Но глядят на меня здесь и впрямь странно. Вон, видишь?

Чародей указал взглядом на двоих мужчин, заказавших по кружке пива. Парочка двинулась было в сторону стола, за которым расположились маг с учеником, но потом, приглядевшись, резко свернула в сторону и выбрала место подальше.

– Видишь? – чародей в задумчивости потер лицо ладонью. – Не хотят рядом с нами сидеть. Знаешь их? Местные? Я по одежке вижу, что мастеровые. А эти, погляди, сели рядом, так они приезжие. То есть только местные нас избегают... Потолковать бы с хозяином, да он боится, что ли. В зале пусто, а мне говорит, занят, некогда болтать.

Тут появился кабатчик с подносом.

– Эй, любезный! – позвал маг. – Присядь-ка с нами, кое-что хочу спросить...

– Прошу простить, не могу. На кухне котел вот-вот закипит, – и кабатчик стремительно удалился.

– Ничего, – решил чародей. – Посидим здесь подольше. Скоро люди начнут собираться, цеховые подойдут, выпьют пива, разговорятся... А ты слушай, слушай!

– Да, мастер.

– В этом городишке... то есть, я хочу сказать, в твоём родном городе что-то не так. А это означает, что для нас есть возможность подзаработать. – Ригирт самодовольно ухмыльнулся. – Запомни, Петер, там, где «что-то не так», всегда есть недовольные, заинтересованные в изменении ситуации. И если кто-то из недовольных кредитоспособен – это наш заказчик.

– Да, мастер.

– Рыбу ловят в мутной воде, ученик! Нужно только разобраться, кто здесь заказчик.

– Да, мастер.

Ученик выслушивал эти наставления едва ли не в сотый раз. Мастер Ригирт любил порассуждать на подобные темы, но Петер уже успел убедиться – маг знает, что говорит, и совершенно искренне хочет передать ученику богатый опыт. Мастер Ригирт – очень знающий чародей, и если не обосновался в каком-нибудь замке или городе, то вовсе не из-за недостатка таланта. Просто он наловчился хорошо зарабатывать в странствиях и умел заполучить выгодный заказ даже там, где спасовали местные маги. Весьма достойный наставник, только нынче Петеру эти рассуждения не по душе. Вот родной город, дом пустует... хорошо бы вернуться сюда навсегда...

* * *

Мало-помалу трапезная «Счастливого колеса» стала наполняться посетителями. Сперва явились купцы и приказчики, окончившие свои дела на рынке, затем начали подходить мастера – у этих работа продолжалась дольше.

Петер, как было велено, смотрел и слушал. Ничего интересного он в разговорах не уловил, но терпеливо ждал. Терпение – первая добродетель ученика чародея. За соседними столиками торговцы обсуждали сезонные колебания цен на овощи и перспективы, открывающиеся в связи с приездом его светлости герцога. Уже было доподлинно известно, что его императорское величество пожаловал наследнику престола Алекиану Гонзорское герцогство, дабы юный принц на практике постиг искусство управления. Спорили, много ли народу приедет с его светлостью из столицы, и насколько при этом вырастут цены на вино и пиво.

До юноши доносились обрывки разговоров местных из-за дальних столиков, но в них тоже не было ничего необычного. Петер покосился на Ригирта, тот задумчиво барабанил пальцами по столу, изредка прихлебывая пиво. Лицо колдуна, как всегда, оставалось непроницаемым. Петер наполнил свой стакан и задумался. В компании его приятелей употребление пива считалось признаком мужества, символом приобщения к взрослому миру, и Петер, наравне со всеми, дорожил каждым глотком. Теперь-то он знал, что пиво в Пинеде варят весьма посредственное... хотя встречается и похуже.

Когда за окном стемнело, зал заполнился народом, сейчас хозяин и в самом деле был занят – перед стойкой постоянно толпились заказчики, требовали пива. Из кухни показался молодой парень в грязном фартуке – то ли сын, то ли подмастерье владельца заведения. Он сновал между столиков, собирал пустые кружки, когда заказывали – приносил еду. Теперь в зале стало шумно, говоруны повышали голос, в дальнем углу уже затянули песню – впрочем, пели тихо, пристойно. Появилось несколько женщин в ярких платьях. Ригирт подозвал парня в фартуке и потребовал еще один кувшин – Петер расценил заказ таким образом, что наставник все еще не разобрался в ситуации, но надеется отыскать ответ, если посидит подольше. Надо полагать, колдуна заинтересовал город Пинед, и они задержатся здесь еще хотя бы на день.

Снова хлопнула дверь, вошла молоденькая девушка. Помедлила у порога, приглядываясь к публике. Петер так и уставился на красотку. Девушка была выше среднего роста, немного полная, черные курчавые волосы, перевитые лентами, падали на открытый ворот просторного красного платья. Пухленькие губки девушка поджала, и лицо приобрело брезгливое выражение – должно быть, искала кого-то, да в зале не увидела.

– Лорка! Погоди, ну куда ты! Послушай, Лорка, послушай же! – следом за девицей в зал ввалился молодой кудрявый парень.

Вот этого Петер знал! Свен – приятель... ну, не то, чтобы приятель... Свен верховодил в компании молодых пинедских ребят, он выделялся ростом и силой, был нахальным, смелым, настойчивым, да и вообще вел себя так, будто в каком-нибудь заморском королевстве по нему сохнет красивая принцесса, а здесь, в захолустье, он только ждет до поры... И на девиц Свен стал заглядываться куда раньше сверстников. Разумеется, большой дружбы между ним и тихим застенчивым Петером никогда не возникало, но все же выросли вместе... Петер решил дожидаться удобного момента, чтоб возобновить знакомство. Приятель наверняка сумеет рассказать, что творится в Пинеде. А Свен Петера не замечал, совершенно поглощенный погоней за девушкой в красном платье.

– Лорка!

– Для кого, может быть, и Лорка, а для тебя – почтенная Лора, – осадила красотка ухажера. – Ну, чего тебе? Что ты все за мной ходишь?

– Как это что? – Свен широко улыбнулся. – А то не знаешь, зачем за вашей сестрой наш брат ходит!

– Я-то знаю, – протянула девушка. Она и говорила, и двигалась плавно, с ленцой, – а ты вот, поди, сам-то и не догадываешься.

– Не догадываюсь, говоришь! А давай проверим, знаю я, или нет – пойдем со мной нынче!

– Отстань, дурачок, – девушка не разделяла веселья ухажера, полные губы кривились по-прежнему. – Ничего-то ты не знаешь, молод... Я с серьезными людьми хожу, с солидными. Вот ты можешь такие серьги мне подарить? Нет? А колечко такое?

Свен переступил с ноги на ногу – судя по скромному наряду, подобные вещички были ему не по карману. Петеру показалось, что разговор приятеля с девицей стремительно приближается к финалу, ученик мага встал и направился к дверям, чтобы перехватить Свена.

– Так вот, пойми, – продолжала Лора. – За мной как раз для того и ходит... ваш брат, чтоб такие колечки дарить. А вовсе не ради того, о чем у тебя все мысли нынче. Отдыхай, мальчик!

Лора вильнула подолом широкого красного платья и двинулась между столиков, сопровождаемая восхищенным шепотком и стуком кружек, опускающихся при ее приближении.

* * *

Свен уставился вслед красотке, приоткрыв рот, потом тряхнул кудрявой шевелюрой, хлопнул ладонями по ляжкам и расхохотался:

– Ну, ты видел?! – вопрос был адресован Петеру, оказавшемуся как раз рядом. Впрочем, Свен в его сторону не глядел, просто изливал чувства вслух, обращаясь ко всему Миру. – Ах, что за девчонка! Огонь и мед! Огонь и мед в красном платье!

– Да, Свен, – осторожно подтвердил Петер, чтобы начать разговор.

Тут только кудрявый парень обернулся и поглядел на собеседника.

– А?... Ты...

– Я Петер, помнишь?

– А, Петер! Здорово, дружище! – Свен широко улыбнулся. – Ну, как ты? Какими судьбами к нам? Вернулся домой?

– Нет, я с наставником, мастером Ригиртом...

Оба рассматривали друг друга, изучая случившиеся за три года перемены. Петер отметил, что Свен вырос в плечистого красавца, возмужал, и по-прежнему похож на принца в изгнании. Даже небогатая одежда подмастерья сидит на нем ловко.

– С колдуном... Ну как, научился чародейству? А можешь наколдовать, чтобы Лорка со мной пойти захотела?

Петер подумал, что бы ответил на его месте наставник (что-то ехидное, наверняка!), и, слегка растянув губы в улыбке, покачал головой.

– Свен, а без колдовства ты не можешь? Не получается?

– Могу. Я пошутил, Петер... А ты вырос! Такой был сопляк...

– Ты тоже вырос, Свен, хотя проблемы с девушками у тебя, похоже, остались прежние. Как в старое доброе время, а?

– Э, брось! Лучше покажи какое-нибудь колдовство! Да, и пивка, что ли, закажи нам! За встречу!

Петер догадался, что у приятеля проблемы не только с девушками, но и с монетой. Как в старое доброе время, точно. Но спорить не стал, так даже лучше, быстрее удастся разговорить Свена.

– Ладно, давай по пивку, – как можно солидней произнес ученик чародея, – только выйдем наружу, а то я с наставником... ты же понимаешь.

Что должен понять приятель, Петер и сам не вполне представлял, однако поговорить хотелось наедине. Свен отреагировал, как и предполагалось:

– Конечно, понимаю!

Выходя с кружками из трапезной, приятели столкнулись в дверях с парой небритых типов. Под плащами у обоих были здоровенные тесаки, Петер разглядел. Двое крепких мужчин в грязных плащах шагали уверенно, никому не уступая дорогу, так что Свену пришлось посторониться. Только выйдя наружу, парень сплюнул и пробурчал проклятие.

– Кто это, Свен? – поинтересовался ученик мага. – Вот эти двое.

– Люди Марольда, чтоб им лопнуть. Ничего, когда-нибудь еще с ними встретимся... Без свидетелей, Гангмар их дерит.

У Петера вертелся на языке ехидный ответ, мол, какие же свидетели? Он, отвернется и сделает вид, что не заметил... но Свен вдруг разозлился не на шутку. Поэтому Петер только спросил:

– А Марольд кто?

– Не знаешь, что ли? Марольд – колдун, вроде тебя.

Приятели отошли от входа в «Счастливое колесо» и присели на скамью. Свен сдул пену с кружки.

– Марольд?

– Марольд Черный. Марольд Ночь еще иногда его называют.

– Не слышал о таком. А почему это его люди так себя ведут? И на учеников мага они не похожи.

Свен хохотнул. Он как раз делал глоток из кружки, и брызги сыпанули во все стороны. Петер невозмутимо стряхнул с плаща несколько капель.

– Ученики, скажешь тоже! Марольд – разбойник, в лесу обосновался, а эти – его парни. И Лорка, говорят, с ним путается, с Марольдом...

Свен принял к кружке. Петер ждал продолжения и обдумывал ситуацию. Некий Марольд Черный, разбойник из леса и колдун. Его люди, не скрываясь, являются в город, заходят в питейные заведения, задевают местных... И в Пинедде не любят колдунов.

Глава 3

После упоминания профессии Петера разговор не клеился. Свен вяло поведал, что трудится подмастерьем и, хотя через годик-другой наверняка станет мастером, но это для него мелко. Петер поддакнул, что, мол, Свен, конечно, может рассчитывать на большее...

Приятели не спеша потягивали пиво, оглядываясь на двери в трапезную «Счастливого колеса». Сейчас число входящих было куда больше, чем покидающих заведение, горожане и постояльцы собирались на постоялом дворе – выпить, послушать рассказы приезжих, обменяться новостями... Начало темнеть, в окнах трапезной замелькали огоньки, там зажигали лампы.

Люди колдуна Марольда в «Счастливом колесе» не задержались, вскоре они снова показались на пороге. Теперь оба были веселы, один рассказывал приятелю что-то забавное: «... Тут разбойник и говорит монашке, ты, говорит, дочь Гилфинга Светлого, стало быть, и в невестах его ходить не можешь, потому что если поженить вас, кровосмешение выйдет!..» Второй смахивал с усов пивную пену и кивал: «Гы-гы... кровосмешение, гы-гы!..» Свен проводил грубиянов взглядом и совсем заскучал.

Петер не понимал, как лесные разбойники могут так вольготно чувствовать себя в городе, ведь и стража есть, и все прочее... но как снова завести разговор со Свеном, не знал. Тот начал сам:

– Ишь, веселятся, сволочи... Ничего, и на них управа найдется.

– Ты об этих?

– Да о ком же еще, Гангмар их дери! Видишь, все Марольда боятся, говорят, он темной магией владеет!

– Ерунда какая! Магия не может быть темной или светлой, – возразил Петер, – все дело в том, кто ее применит.

– Это уж тебе видней, а только Марольд Ночь в самом деле весь наш Пинед запугал. И Лорка с ним любовь крутит, точно! Видел ее серьги? А кольцо? Небось, он и подарил, Марольд! А может, Черный Лорку колдовством охмуряет? Хотя зачем ей колдовство, ей и колечка достаточно...

Свен допил пиво и поставил кружку на скамью.

– Так наняли бы опытного колдуна, – осторожно произнес Петер. – Если боитесь магии Марольда, обратитесь к более сильному чародею.

– К тебе, что ли? – хмыкнул Свен. – Не смей, Петер!

– Почему же ко мне? Вот мой наставник...

– Брось, парень, – Свен не улыбался, – кто же к колдуну обратится за помощью против колдуна? Вы же все одна шайка, своему брату поперек не станете ничего делать. Ворон ворону глаз не выклюет!

– Ерунда, – Петер был искренне удивлен, уж он-то знал, как иные колдуны ненавидят собратьев. – С чего ты это взял?

– Все так говорят, – отрезал Свен. – Вы, чародеи, непременно друг за дружку стоите... Ладно, Петер, ты не дуйся там в своем капюшоне, я против тебя ничего не имею. Если что, заходи к кузнецу Мейдеру, я у него подмастерьем сейчас. Бывай!

Петер кивнул и задумчиво принялся за пиво. Рассказанное земляком, выглядело довольно странно. Не сам ли Марольд распускает слухи о собственном великом могуществе? И почему горожане уверены, что не следует обращаться за помощью к другим чародеям? Наверное, нужно рассказать все наставнику, пусть мастер Ригирт разбирается. Если чародея заинтересует происходящее в Пинеле, он захочет задержаться в родном городе Петера подольше.

Ученик допил пиво, сгреб кружки и отправился в трапезную – докладывать наставнику.

Тот приветствовал Петера взмахом руки.

– Ну, как, разузнал что-нибудь интересное?

– Да, мастер, кое-что проясняется, – Петер придвинулся к наставнику и заговорил совсем тихо. – Говорят, в лесах возле Пинеда скрывается какой-то Марольд Черный, он разбойник и владеет магией. Его людей все боятся и...

– И платят Марольду дань, – закончил Ригирт. – Только что наш хозяин вручил двум мужланам кошелек и не взял платы за пиво. И еще, ученик...

Чародей выдержал паузу. Петер ждал.

– И еще нас ждут неприятности.

* * *

– Неприятности, мастер?

Петер ждал разъяснений. Если бы им в самом деле грозило что-то серьезное, наставник не был бы так иронично настроен. Сейчас толстые губы чародея растягивались в совершенно благодушной улыбке, предстоящие неприятности, скорее всего, обещали обернуться развлечением. Развлечения жизнерадостный Ригирт любил.

– Да, мой друг. Пока наш хозяин наливал разбойникам пиво, пока они пересчитывали монеты, разговор у них шел в основном обо мне.

– Они глядели в вашу сторону, мастер?

– Пялились. Пару раз указали хозяину пальцем, расспрашивали. У них хорошие осведомители, так что бандитам уже известно, что нынче в город прибыл маг.

– Что же теперь будет? Нам следует ждать нападения?

– Это не исключено, – Ригирт кивнул, веселое настроение чародея противоречило его собственным словам, – но скорее нас просто постараются выпроводить из города. Связываться со мной им вряд ли охота... О, гляди, сейчас начнется.

Место хозяина за стойкой занял парень в фартуке, а сам кабатчик медленно двинулся к столу, занятому колдунами. Шагал он нерешительно и глядел в пол, было видно, что предстоящий разговор ему не нравился заранее.

– Э, почтенные...

– Да, мастер? – с прежней безмятежной улыбкой отозвался чародей.

– Прошу простить... э... – кабатчик никак не мог решиться произнести самое неприятное. – Я это... Попрошу... В общем, попрошу покинуть мое заведение.

Ригирт покачал головой и, придвинув к себе посох, осторожно снял с набалдашника чехол. Показался янтарный шарик, на две трети прикрытый медной сеткой. По полированной поверхности янтаря пробежали крошечные искры, хозяин «Счастливого колеса» шумно сглотнул. Улыбка мага стала еще шире.

– А могу ли я, – промурлыкал чародей, – осведомиться о причинах столь... столь странной просьбы? Почему эта удивительная идея пришла вам, почтенный, в голову на ночь глядя, когда я уже не смогу отыскать иной ночлег?

– Колдун в доме – плохая примета. К неудаче... – промямлил кабатчик.

– А прогнать колдуна – к пожару и разорению, – наставительно заметил чародей. По янтарию на его палке снова пробежали искры, теперь более крупные.

– Гилфингом Светлым прошу, – совсем тихо взмолился хозяин «Счастливого колеса», – не губите. Клянусь, не хотел... не моя это воля...

– Понимаю, – Ригирт перестал улыбаться, теперь он говорил очень серьезно, – но куда мне-то деваться? Ночевать под забором? Известному чародею такое не пристало!

Хозяин устался на собственные башмаки и вздыхал. Разговоры за соседними столиками смолкли, посетители с опаской косились на искрящийся посох Ригирта. В трапезной стало тише. Петер, который прекрасно понимал хозяина постоянного двора, пожалел беднягу.

– Мастер, – обратился он к наставнику, – если вам угодно, я знаю дом, где мы можем переночевать. Четверть часа ходьбы отсюда.

– Ну, если так... – Ригирт задумался. Или только сделал вид, что задумался. – Однако я уже уплатил за ночлег...

– Все верну, – торопливо заверил кабатчик, – все до последнего гроша! И за пиво с вас не возьму! Да еще кувшин в придачу – за счет заведения! Не держите зла...

– Ладно, – кивнул маг. – Договорились. Постой, ученик, а как же Велинартис? Хозяин, что если наш осел у тебя переночует?

– Э... – кабатчик замялся. Об осле ему разбойники ничего не говорили, но и рисковать бедняге не хотелось.

– Осла завтра заберем, а сегодня пусть остается, а? – предложил Петер. – До утра?

Хозяин утер испарину и махнул рукой:

– Ладно! Извольте из комнаты вашу поклажу забрать, а я пока пивка с собой...

И тут же скрылся на кухне.

* * *

Пока шагали по ночному городу, Петер пытался вычислить, что у наставника на уме. Мастер Ригирт наверняка уже составил некий план, исполнение которого (вне всяких сомнений!) венчается мешочком звонкой монеты... но что это за план?

Расспрашивать ученику не положено, поэтому Петеру оставалось только гадать, какое приключение ожидает его в родном городе. Приключение, связанное с Марольдом, разумеется...

Вот и дом. Петер даже не предполагал, что возвращение под родной кров окажется таким волнующим. Днем-то, когда с соседом говорил, никаких сентиментальных мыслей не возникало, а тут вдруг – пока отдирали доски, которыми была забита дверь – и сердце заколотилось, и какой-то подозрительный ком к горлу подступил...

Учитель снова стянул с набалдашника посоха чехол, и янтарь засветился холодным синеватым светом. В соседском доме зашебуршились, что-то звякнуло, качнулась занавеска, но ни выглянуть, ни даже запалить свечу Керт так и не осмелился.

Наконец последние ржавые гвозди поддались усилиям Петера, скрипнула, растворяясь, дверь – и маг с учеником вступили в затхлое нутро давно заброшенного дома. Петер потянул воздух, словно надеясь уловить знакомые с детства ароматы – но нет, сырой воздух, гниль и запустение. Слегка тянет плесенью.

Посох мага загорелся ярче, Петер разглядел пыльный пол, голые стены, неопрятную грудку сора в углу... Тетка, в самом деле, распродала все, что оказалось возможно. Широкая кровать в спальне осталась на месте, ее сколотили внутри помещения, и в дверь она попросту не проходила. Рядом валялся колченогий стул – должно быть, на такую рухлядь никто не польстился. Петер зажег собственный волшебный свет и двинулся по заброшенному жилищу. Пока ученик оглядывался, чародей запер входную дверь несложным заклинанием и вернулся в спальню.

Мастер Ригирт швырнул на кровать свой плащ и мешок с пожитками, на кровати проведет ночь он, а Петеру придется довольствоваться чем-нибудь поскромнее. Конечно, ученик был в этом доме хозяином, но лучшее место по праву принадлежало учителю. Впрочем, парню не впервой было спать в подобном неудобстве. Хотя наставник любил комфорт, но все же нет-нет, да и случалось заночевать под открытым небом. Так что Петер привычно расстелил плащ,

положил под голову мешок и укрылся запасной накидкой. Чародей поскрипел кроватью, устраниваясь, и тоже затих.

– Что, ученик, – негромко окликнул Ригирт, – небось, гадаешь, чем займемся завтра в этом лучшем из городов Мира?

– Гадаю, мастер, – согласился парень, – а почему Пинед – лучший из городов Мира?

– Да разве ж нет? Город, в котором родился, кажется самым прекрасным местом под небесами... – раздумчиво произнес маг. Затем добавил, – пока ты молод.

– А потом?

– Потом тебе уже все равно, ты начинаешь различать не города, а харчевни. В «Счастливом колесе» скверно готовят мясо, да и пиво весьма посредственное... – Чародей зевнул, немного помолчал. Затем деловито продолжил. – Так вот, Петер, завтра с утра мы на свежую голову разучим кое-какие заклинания... После обеда пройдешься по городу. Если хочешь, сходи потреться с прежними друзьями, а я нанесу визит местному начальству. Высматривай, выслушивай, но никого особо не расспрашивай. Не нужно привлекать внимание сверх меры. Тебя не интересует Марольд Ночь, тебе просто хочется знать, что происходило в родном городе, пока ты постигал волшебные науки. Тем не менее, постарайся выяснить завтра побольше.

– А послезавтра? – решил спросить Петер.

Пока чародей настроен благодушно, можно позволить себе любопытство. Вообще-то, ученику следует быть терпеливым и не расспрашивать наставника, ждать, пока тот сам соизволит поведать о планах.

– Посмотрим, – буркнул Ригирт. – Это зависит от результатов завтрашних переговоров. Городок небогат и мне вряд ли много заплатят за... гм-гм...

– За Марольда? – Петер резонно полагал, что, кроме загадочного разбойника, ничего интересного в родном Пинед не нет.

Вместо ответа Ригирт объявил:

– Узнаешь, долго ли он разбойничает, и какие делишки успел провернуть. Много ли успел награть? Как распоряжается добычей? Пропивает? Прячет? Может, пускает в оборот? Тогда нужно разузнать, через кого. Если нам мало заплатят, то хоть трофеи окупят затраченные усилия. Но это все завтра, а теперь – спать!

Петер глубоко вздохнул. А все же здесь пахло по-прежнему. Совсем чуть-чуть, неуловимо, но что-то знакомое пробивалось сквозь запахи пыли и плесени.

Глава 4

Наутро выяснилось, что планы Ригирта требуется подкорректировать. Разбудили мага и ученика крики за окном. Чародей, подхватив посох, поспешил к выходу, так как сквозь заколоченные окна ничего толком не разглядишь. Петер, зевая, вышел на крыльцо следом.

Солнце только-только окрасило крыши домов в розовый цвет, было темно, но по улице бежали люди, у многих в руках дребезжали ведра, кто-то кричал о пожаре, кто-то – об убийстве. Ригирт, не произнося ни слова, зашагал к суетящимся горожанам, Петер поспешил следом. Причину переполоха они обнаружили совсем рядом – у дома мясника, того самого, с новой вывеской, стояла стража. Ничего не горело, но горожан с ведрами понять было легко – там, где домишки тесно жмутся друг к другу, люди всегда боятся пожара и при любой панике первым делом бегут за водой. Вскоре выяснилась и причина суеты. Толпа собралась перед мясницкой лавкой. Петер с наставником как раз подошли к дому, когда растворилась дверь, и на крыльце показался стражник.

– Ну, чего собрались? Расходитесь, нечего топтаться...

– А правда, мясника Фреста зарезали ночью? – выкрикнул кто-то.

– Расходитесь, – хмуро повторил солдат и скрылся в лавке.

В толпе зевак уже перешептывались о невесте откуда взятых подробностях – будто бы накануне к покойному наведывались люди Марольда Черного, требовали больше денег, чем прежде. Мясник отказался платить, так говорили в толпе.

Рослый чародей двинулся к дому, смело раздвигая зевак массивным телом, Петер остался в стороне, чтобы лучше видеть, с его ростом из толпы толком ничего не разглядишь. Внимание парня привлек мужчина, так же, как и сам Петер, глядящий издали. Этот горожанин был среднего роста, темноволосый, с аккуратно подстриженной бородкой. Сжав губы, он смотрел поверх голов – словно его интересовала не лавка убитого, не шепчущиеся горожане, даже не само преступление, а рисунок на вывеске: пастух со свирелью и овцы.

В мясной лавке громко заголосила женщина, гомон толпы стал тише. Из дома покойного вышел начальник городской стражи, Петер узнал его сразу – мастер Эдвар совсем не изменился, разве что сутулиться стал чуть больше, да морщины сделались глубже. Все такой же – бесстрастный, невозмутимый и вечно унылый. Никто никогда не видел Эдвара удивленным, веселым или печальным, этому человеку словно были неведомы эмоции. Вот и сейчас – вышел на крыльцо, пожевал тонкими губами, обвел толпу тусклыми глазками из-под тяжелых век, да и побрел вниз. Только и буркнул: «Расходитесь, нечего тут...», да и то вполголоса.

Следом трое стражников волокли носилки с телом мясника, укутанным серой мешковиной. Покойный был большим и грузным, стражники пыхтели. Следом за носилками с плачем выскочила девчонка – должно быть, дочь убитого – бросилась на носилки, захлебываясь слезами. Лица ее Петер не разглядел, его закрывали густые белокурые волосы. Девчонка редела, стражники отводили глаза. Подъехала телега, тело перегрузили в нее.

Дочка мясника вдруг кинулась, расталкивая толпу, к тому самому стоящему в стороне мужчине, что привлек внимание Петера. Подскочила, заколотила кулачками в грудь, что-то выкрикивая. Петер вроде бы разобрал:

– Все ты! Ты! Твои картины приносят одно только горе!

Странно. Оглянувшись, ученик мага заметил, что мастер Ригирт уже нависает над начальником стражи, что-то тихонько втолковывает, а тот, по-прежнему невозмутимо, кивает, поглаживая усы. Телега отъехала. Эдвар перестал кивать и ответил Ригирту – похоже, утвердительно, наставник отошел в сторону с довольным выражением лица.

Толпа начала расходиться. Стражники тоже побрели прочь, остался только один – стеречь вход в лавку. Мужчина, на которого кричала дочь покойного, не рассердился, а наоборот,

виновато глядя на девушку, поспешно протянул ей несколько монет. Та, не глядя, сунула деньги в карман, а потом зарыдала совсем уж безутешно. Петеру стало интересно, что означает эта сцена, он хотел уже подойти поближе, но парня окликнул наставник:

– Идем, ученик, нам предстоит нынче поработать, – принялся рассказывать на ходу Ригирт. – Но сперва наведемся на рынок. Купим поесть, заодно послушаем разговоры. Потом я покажу тебе два новых заклинания, после обеда останешься их учить и отрабатывать, а я приглашен к начальнику местной стражи. Похоже, нынче нам перепадет довольно выгодный заказ. Как же это, однако, удачно, что беднягу прикончили именно сегодня! Подобные истории всегда живо воздействуют на воображение, начальнику стражи нынче же начнут досаждать перепуганные земляки, требовать защиты, просить положить предел бесчинствам и тому подобное.

Петер вовсе не считал удачным, что разбойники разделались с мясником, однако спорить не стал. Не пристало спорить с учителем, даже если он говорит такие скверные вещи.

* * *

Заклинания, которые наставник велел вызубрить, относились к боевой магии, но были скорее защитного свойства. Петер старательно твердил заковыристые формулы, а в голове вертелась утренняя сцена – носилки с укутанным телом, рыдающая девушка и странный мужчина, сунувший ей монеты... Парень подумал, что может быть нужно рассказать об этом учителю, но колдуна теперь явно занимали совсем другие дела.

От начальника стражи мастер Ригирт вернулся в прекрасном настроении.

– Вот, я же говорил! – прямо с порога крикнул он. – Заказ, что надо, денег так теперь на целый месяц хватит, а работенка-то совершенно левая!.. Да, моих слов, разумеется, при местных повторять не надо. Все должны считать, что мы нынче совершаем великий подвиг, ясно?

– Конечно, мастер, – поспешно согласился Петер.

Чародей вошел в дом и стал снимать парадное одеяние – длинный зеленый плащ, богато вышитый камзол, шапочку, украшенную бисером.

– Марольд какой-то выискался, видали? – смешно надувая щеки, сердито бормотал он. – Марольд Ночь! Здешные олухи воображают, будто их держит в страхе могущественный чародей!

– А разве это не так? – осведомился Петер, подавая наставнику просторную накидку.

– Разумеется, нет! Все сильные маги известны наперечет! Во всяком случае, все маги, промышляющие здесь, в Гонзоре. Конечно, я перечить не стал, согласился, что Марольд силен. Ну и плату потребовал соответствующую. Поделом им! Раз не понимают, где настоящий маг, вроде меня, а где мелкий колдунишко, о котором почтенный мастер Ригирт даже слухом не слыхивал – пускай раскошеляются, невежды. Эх, только бы не заметил никто, как легко я одолею этого Марольда... – озабоченно нахмурился колдун. – А то еще цену попытаются скостить. Ну, ничего, не того напали! Мы устроим славный фейерверк, будто, в самом деле, в битве сошлись великие мастера магии. Давай, собирайся, – небрежно бросил он почтительно внимающему ученику, – нынче ночью все и состоится. Есть сведения, что Марольд заявится сегодня к одной красавице...

– Неужто к Лоре? – не удержавшись, воскликнул Петер.

– Ну, да, конечно, – рассеяно откликнулся маг. – Это ты очень удачно о ее побрякушках разузнал. Точно, Марольд к ней захаживает. Стоило мне намекнуть, как сразу выяснилось, что стражникам все известно. Они, видите ли, боятся марольдова колдовства, а выследить его вполне могли бы.

Чародей переоделся и принялся аккуратно складывать выходной плащ, бормоча под нос:

– Вот у Лоры этого разбойника и прихватим, устроим засаду, застигнем врасплох... То есть, я бы, конечно, и так с ним легко расправился. Но тут Марольд просто сам в руки к нам идет, глупо не воспользоваться случаем.

– Готовить снаряжение, как обычно? – привычно осведомился ученик.

Маг ненадолго призадумался.

– Сегодня экипировки особой не потребуется. Вполне достаточно того, что в моем посохе... Однако, – хитро усмехнулся чародей, – мы прихватим кое-какие довольно эффективные штучки, как будто для настоящего сражения. Пускай видят, неучи, что мы не зря получаем монеты. В общем, готовься, как обычно. И хорошо запоминай план действий. Я продумал все до мелочей, сейчас расскажу. Но только вначале, конечно, поужинаем.

Колдун подошел к столу, где поджидал купленный сегодня на базаре нежно-розовый окорок. Петер поспешно вытащил из холщового мешка краюху хлеба и овощи. Мастер Ригирт тем временем достал шкатулку с приправами, и принялся неспешно нарезать зелень и овощи. Маг был большой любитель покушать и при возможности превращал трапезы в затейливый ритуал. Конечно, питаться странникам приходится большей частью в харчевнях и на постоялых дворах, где не до церемоний... но нынче чародей был расположен приготовить ужин по собственному вкусу. Покончив с зеленью, он толсто нарезал и аккуратно посыпал пряностями ветчину.

Внимательно наблюдавший за действиями наставника Петер даже не пытался помогать. Если Ригирт взялся за дело сам, то в помощниках не нуждается. Так что ученик ограничился тем, что нарезал хлеб, украдкой сглатывая слюну. По его мнению, можно было поесть и без этих церемоний...

Прошло не менее получаса, прежде чем стол принял должный вид, и удовлетворенный мастер, наконец-то уселся на единственный стул, предвкушая роскошную трапезу. Тут в дверь негромко постучали.

Петер спешно бросился к выходу. Если уж стол накрыт, отрывать мастера от ужина дозволено лишь в случае смертельной опасности или в связи с визитом платежеспособного клиента. Иные причины не признаются достаточно серьезными, чтобы Ригирт встал из-за стола.

Петер выглянул в окошко и с удивлением увидел на крыльце переминающегося с ноги на ногу мужчину – того самого, на которого сегодня утром бросилась с кулаками дочка убитого мясника. Изумленный ученик, ничего не спрашивая, открыл дверь.

* * *

– Простите, мне нужно посоветоваться с мастером чародеем. Это очень важно, – робко проговорил незнакомец. – Я Лукас, художник, – спешно добавил он, приподнимая доску, которую держал подмышкой. Это оказалась та самая вывеска, с лавки убитого мясника.

И снова ученик мага невольно залюбовался веселым пастухом, вдохновенно играющим овцам на свирели. Потом перевел глаза на гостя. Сам художник смотрел на свое творение с невыразимым отчаяньем и даже испугом.

– Мои картины, они всюду сеют несчастье, я не понимаю, в чем дело, это просто какая-то магия, – сбивчиво проговорил Лукас. – Не мог бы почтенный мастер выслушать... разобраться... Мне бы его совет... Не бесплатно, разумеется!

И Петер, не раздумывая, пригласил пришельца в дом. Случай был совершенно ясный, к мастеру Ригирту пришел новый клиент. И, судя по пригоршне монет, которые тот сегодня всучил осиротевшей девчонке, клиент, безусловно, платежеспособный.

Когда Петер с художником вошли в дом, учитель как раз только принялся за ужин. При виде посетителя он постарался улыбнуться настолько любезно, насколько это можно было сделать с набитым ртом. Затем поспешно прожевал пищу и утер масляно блестящие губы.

– Слушаю вас, почтеннейший, чем могу быть полезен? – наконец проговорил он.

Художник, так и оставшийся стоять, поскольку единственный в доме стул был занят чародеем, смущенно потупился.

– Люди говорят, что мои картины приносят несчастье...

– Вот эта? – очень неохотно поднимаясь из-за стола, спросил чародей и с явным неудовольствием взял в руки вывеску.

Вручив картину магу, художник отступил на шаг, не сводя глаз с Ригирта.

– Что ж, дело серьезное. Если на вашу руку, мастер, наложено заклятие... то... работенка предстоит непростая... Но я готов исследовать, скажем, за полукелат... – с деланным интересом разглядывая картину, проговорил маг.

По мнению Петера, запросил Ригирт несусветно много (у чародея это называлось «закинуть удочку», убедиться, насколько доверчив, беспечен и богат клиент, насколько осведомлен относительно цен), но художник тут же, не торгуясь, согласился.

– Вы понимаете, я эту вывеску для мясной лавки нарисовал. И не прошло недели, хозяина убили. Дочурка осталась у него, Эльга, совсем еще ребенок, наверно, даже младше моей Моны. И вот сегодня вечером опять мимо лавки прохожу, не знаю сам зачем, а просто как будто магнитом туда тянет. Выбегает мне навстречу девчушка. «Забирай, – кричит, – свою мазню. – Какие-то типы снова приходили, спрашивали, кто вывеску рисовал. Сам колдун Марольд Ночь картиной интересуется!» Вот так вот! Сам Марольд Ночь! – взволновано повторил Лукас и, тревожно глядя на мага, замолчал.

Мастер Ригирт слушал крайне рассеяно. И Петер сразу догадался почему. Даже ему, ученику, было видно, что магии в злополучной вывеске нет, ну нисколько. А значит, клиент пришел по ошибке, много на нем не заработаешь. Несколько минут мастер Ригирт изучал вывеску.

– Успокойтесь, мастер, нет здесь никакого колдовства, – наконец проговорил чародей с явным сожалением.

Клиентов он, в общем, не обманывал. То есть бахвалиться, жаловаться на мнимые трудности, заламывать немыслимую цену за пустяковую работу – этим, что ни говори, чародей не гнушался. Но вот придумывать несуществующее колдовство он себе никогда не позволял. Есть, значит, есть, а нет, – так, значит, и нет. Как ни обидно бывало иногда это признать.

– Вы полагаете, мастер чародей, я могу и дальше писать картины? – с надеждой спросил Лукас.

– Можете, можете, – пряча в обширный карман монету, недовольно пробурчал колдун и, ничуть не смущаясь гостя, принялся за прерванный ужин.

Однако странный посетитель не спешил покинуть дом.

– Скажите, почтенный мастер чародей, – с тревогой спросил он, – дозволено ли мне писать портреты?

– Какие еще портреты? – с набитым ртом хмуро пробурчал Ригирт.

– Понимаете, иногда случалось, что люди, которых я рисовал, вскоре умирали. Или бесследно исчезали, как супруга одного почтенного колдуна, портрет которой я написал для медальона. Вот только недавно узнал об этом и совершенно потерял покой. Дело в том, что моя дочурка, Мона, давно уже просит написать ее портрет. Я когда-то обещал, и вот теперь не знаю даже, что делать.

В глазах чародея опять появился интерес.

– Портрет дочери – дело серьезное, – внушительно проговорил он. – Не исключено, что некое заклятие действует избирательно... Да, мне приходилось сталкиваться с подобными штуками! Ну, вы рисуйте, раз дочке обещали. А я готовую картину обследую, тогда и скажу, как с нею быть. Но портрет – не вывеска! Там уж работа будет тонкая и обойдется вам куда дороже! Вывеска безлика, портрет же обращен непременно к определенной персоне, совсем иное дело! Вот так-то, почтеннейший!

Художник опять, не раздумывая, согласился.

– Ну что ж, мы договорились. Когда будет готов портрет, дайте знать. А у меня сегодня важный заказ. Нужно как следует подготовиться... к работе... – с явным нетерпением проговорил маг и покосился на надкушенный ломоть.

Лукас спешно попрощался и ушел. Мастер Ригирт принялся с удвоенной энергией работать челюстями.

– Давай, Петер, и ты хорошенько подкрепишься. Слыхал, сегодня работенка предстоит, – довольно ухмыляясь, сказал он ученику. – Нынче твой родной город содрогнется, когда два великих чародея, хе-хе, сойдутся в поединке!

Глаза колдуна радостно блестели. Еще бы, ведь ему частенько случалось говорить клиенту о важном и срочном заказе, который в скором времени предстоит исполнить. А вот сегодня это было чистой правдой. Ночью их действительно ждала работа – работа, за которую отлично заплатят.

Глава 5

После ужина Ригирт стал готовиться к схватке. Маг тщательно обследовал посох, придирчиво оглядел древко, нет ли трещин, подергал крепление камня, осмотрел так и этак. Затем занялся заклинаниями – в самом деле, слаб Марольд Ночь, или нет, а собирался Ригирт все-ррез. Петер тоже занялся своим снаряжением. Для нынешнего дела он соорудил некое подобие чародейского посоха – только палку выбрал покороче и полегче, чем у Ригирта. Амулеты с заклинаниями ученик навесил на вершину импровизированного жезла, чтобы все вместе были под рукой, и прикрутил медной проволокой.

Те чары, которые Петеру предстояло пустить в ход, были не очень мощными. Вернее сказать, не очень действенными – на его долю выпало обеспечить тот самый «фейерверк», которым Ригирт собирался удивить стражников. Яркие вспышки, ворохи разноцветных искр, на самом деле почти безвредные – зато производящие громадное впечатление на зрителей. Согласно плану, Ригирту предстояло обезвредить местного колдуна, а Петеру – создать видимость схватки грозных чародеев. У стражников, наблюдающих с безопасного расстояния (в первую очередь – у Эдвара), должно было сложиться впечатление, будто они присутствуют при великой магической битве. Обещанный гонорар следовало отработать – также и в том смысле, что за свои деньги Эдвар получит превосходный спектакль.

Наконец за окном стемнело, а Ригирт покончил с приготовлениями.

– Итак, ученик, – обратился маг к Петеру, – ты помнишь свою роль?

– Да, мастер, – кивнул парень, – я держусь позади и использую те защитные заклинания, что выучил нынче утром. Вы врываетесь в дом девицы Лоры и обезвреживаете разбойника Марольда... если позволите, я спрошу: собираетесь ли оставить его в живых?

Ригирт поморщился.

– Сам пока не знаю. С одной стороны, разбойник мне живым не нужен... С другой стороны, злодей мог припрятать добычу. И тогда кто, кроме него, укажет тайник? Правильно мыслишь, ученик! Марольду следует сохранить жизнь. Я постараюсь взять его более или менее целым. Ладно, мы малость отвлеклись. Дальше!

– Затем я проникаю в дом и устраиваю балаган.

– Верно. Только постарайся, чтобы побольше «Эдиласова Смеха» вылетело в дверь. В закрытом помещении из-за избытка магических искр может возникнуть довольно неприятный эффект.

– Да, мастер.

– И если соберешься пустить заклинание в окно, проверь, распахнуты ли ставни! Там, наверное, будет темно, но ты все же сперва прицелься. Понимаешь?

– Да, мастер.

– Ну, вот и хорошо...

Покончив с инструкциями, чародей занялся одеждой. Внешнему виду Ригирт всегда уделял большое внимание. Вот и сейчас он накинул тяжелый темный плащ, вышитый едва заметными узорами (Петер знал, что в темноте узоры будут слегка светиться, это выглядит очень эффектно), надел перстни, камни которых несли боевые заклинания, и щелкнул браслетом, также оснащенным кое-какой магией.

Красивый наряд, в котором ходил накануне на переговоры с Эдваром, чародей принялся аккуратно укладывать в суму. Петер, который все время носил один и тот же плащ, ограничился тем, что подвесил к поясу большой нож. Ригирт покосился, хмыкнул, но не стал ничего говорить. Он порицал пристрастие ученика к не магическому оружию и твердил, что чародею следует полагаться на заклинания, а не на всевозможные железяки и деревяшки, которыми пользуются бесталанные людишки, лишенные Дара. Петер обычно отмалчивался либо покорно

признавался в ответ: он не считает собственный талант достаточным, чтобы полностью отказаться от обычного оружия. Наставник в таких случаях стыдил и велел чаще упражняться в боевых заклинаниях.

На сей раз мастер Ригирт, видимо, счел момент неподходящим для чтения нотаций и смолчал, ограничился сердитым сопением и грозными взглядами. Ничего, пусть бы и поворчал, от Петера не убудет, а нож – дело полезное. Ученик при всяком удобном случае упражнялся с оружием – разумеется, в тайне от Ригирта – и считал, что рано или поздно любое умение пригодится.

Наконец приготовления завершились, Ригирт с учеником присели рядом на кровать. Петер смотрел на мигающий огонек лампы и размышлял, надолго ли наставник задержится в Пинеле после драки с Марольдом, а чародей чесался, поминутно оттягивал ворот и вертел головой, будто бы шее было тесно. Волнуется все-таки, решил юноша.

В дверь постучали. Ученик поднялся и, прихватив лампу, отправился к двери.

– Это я, Эдвар, – раздалось снаружи, – пойдемте, мастер чародей.

Петер отворил и посторонился, наставник, важно опираясь на посох, вышел наружу.

– Марольд у нее, – торопливо забормотал начальник стражи, – сержант Бэр, за домом следит. Ступайте следом, я отведу. Да лампу лучше оставьте. Незачем, чтобы нас видели, береженого и Гилфинг бережет.

– Погаси, – бросил Ригирт ученику, и, обернувшись к Эдвару, велел, – ведите! Далеко ли идти-то?

– Нет, мастер, – заверил стражник, – скоро будем на месте!

– Да, – буркнул ни к кому не обращаясь, чародей, – конечно... В этом городишке, куда ни пойдешь, а на месте будешь скоро. Невелик город.

Петер помалкивал да оглаживал рукоять ножа под плащом. Нож внушал куда большую уверенность, чем амулеты, выданные Ригиртом.

* * *

За дверью ждал еще один стражник. Этот помалкивал и старательно держался от чародея подальше. Петер даже лица его не разглядел в темноте. Эдвар зашагал по улице, маг с учеником – следом. Замыкал шествие молчаливый солдат. Минут через десять они оказались в квартале, где, насколько помнил Петер, селились люди среднего достатка – цеховые старшины, небогатые купцы да приказчики. На перекрестке начальник стражи остановился. Из-за угла выступила темная фигура:

– Это я, Бэр.

– Что у тебя? Марольд явился? – недовольным тоном спросил Эдвар.

– Марольд у нее, я сам видел, как вошел, – пояснил сержант. – Лора и ставней на ночь не запирает. Все честные люди запирают, а она – нет. Ждала, значит.

– Ну, можно я теперь уйду? – впервые подал голос рядовой стражник. – Я ж не нужен...

– Сейчас все уйдем от греха подальше, – обнадежил подчиненного Эдвар. – Мастер чародей, теперь сержант Бэр укажет вам дом, где находится разбойник Марольд... Ну и дальше уже – ваше дело, как с ним станете... это... разбираться, значит. Только подождите, пока Бэр уберется, сразу не начинайте.

– Почему же? – подбоченился Ригирт. – Неужели вам, мастера, не хочется поглядеть на великолепное представление? Уверю, там случится такое, о чем можно рассказывать детям и внукам!

– Не сомневаюсь, почтенный мастер чародей, – ухмыльнулся Бэр, в лунном свете блеснули зубы, – но мы уж издавна станем любоваться. Между двух сердитых чародеев, не в обиду вам будь сказано, лучше не встречать. Это я давно затвердил.

– Похвальное правило, – буркнул Ригирт, – но далеко не уходите. Думаю, за полчаса я управлюсь.

После этого солдат с Эдваром убрались куда-то в тень между домов, а Бэр повел колдунов дальше. В квартале от места встречи сержант указал одинокий огонек. Прочие окна были плотно закрыты ставнями.

– Вот это дом девицы Лоры. Видите, свеча горит. И Марольд у нее, я собственными глазами видел, как он туда шмыгнул.

– Вы этого Марольда хорошо знаете, мастер сержант? – решился задать вопрос Петер. – В такую темень узнали его?

– Да он это, – отозвался Бэр, – точно он, больше некому! Ну, теперь ваш черед. А я исчезаю.

– Ладно! – кивнул Ригирт.

Чародей взял посох наизготовку и, не глядя на удаляющегося стражника, стал вслушиваться. Петер тоже попробовал различить хоть что-то – тишина. А ведь если Марольд у девицы, вряд ли они станут так тихариться. Небось, не для этого разбойники по ночам к веселым барышням ходят... Наконец, шаги Бэра стихли, Ригирт шепотом позвал: «Петер, за мной!» – и первым шагнул к дому, где в окне ярко горела свеча.

Перед входом маг остановился, снова огляделся... глубоко вздохнул... Петер понял – сейчас начнется. Ригирт поднял посох – и с размаху ударил. Взметнулись ворохи искр, дверь с оглушительным треском развалилась, полетели щепки, та часть, где находился замок, вывалилась и рухнула на порог. Чародей отпихнул ногой то, что осталось висеть на прогнувшихся петлях, и ринулся внутрь с посохом наперевес. Петер сунулся следом, влетел в дом – и замер. В конце короткого коридора вход в комнату загораживала широкая спина Ригирта, маг неподвижно застыл на пороге. Яркий свет горящей в комнате свечи обрисовывал контуры грузной фигуры колдуна. Петер растерялся.

Тут позади раздался громкий хлопок, что-то ударило в спину, швырнуло по коридору, парень врезался в наставника, оба кубарем покатались по полу.

Петер поднялся на четвереньки, помотал головой. Уши заложило, перед глазамиплыли цветные пятна, руки норовили подогнуться... Ригирт, которому досталось меньше, уже поднимался, опираясь на посох, когда в комнату влетел сгусток тьмы. Заклинание Марольда ударило в согбенного колдуна, оторвало от пола, швырнуло через комнату... Опрокинулся стул, зазвенела посуда в шкафу. Петер только теперь понял, что они с наставником угодили в засаду, в доме не было ни Марольда, ни Лоры. Разбойник поджидал снаружи, и подругу увел... У двери раздался резкий неприятный смех. Затем свеча, горевшая на столе, мигнув несколько раз, погасла. Петер различил на фоне звездного неба в выбитой двери – темный силуэт. Воздух над плечами незнакомца словно колыбался, очертания проема колебались и плыли в мареве, вызванном магией. Чужак неспешно двинулся по коридору, переступая через обломки. Петер различил, как темная фигура поднимает руку, словно занося для удара, но пока что Марольд медлил, должно быть, разглядывал противников. Ригирт со стоном перевернулся и потянулся к посоху, от которого поверженного чародея отделяла пара шагов. Марольд, хихикнув, быстро пересек комнату и поставил на посох сапог. На Петера он внимания не обращал – должно быть, не считал серьезным противником. Тут только ученик вспомнил, что у него в руках – собственный жезл, заряженный всевозможными «хлопушками». Едва ли соображая, что делает, Петер машинально направил амулет на Марольда и выкрикнул заклинания, которые зубрил с утра. Ослепительно сияющие потоки разноцветных искр с шипением вырвались из импровизированного посоха, и на миг комната ярко осветилась. Петер успел разглядеть лицо Марольда – скорее удивленное, чем напуганное, кривую ухмылку и широко распахнутые большие черные глаза. Вспышка ослепила разбойника, он вздернул руки, так и не нанеся очередного удара, а Петер, собрав все силы, ринулся на врага и врезался в живот чародея. Плечо пронзила острая

боль – будто на каменную стену налетел, перед глазами снова поплыли пятна. Защитные чары Марольда оказались необычайно сильны, но толчок все же заставил его пошатнуться. Петер подхватил с пола посох учителя и сумел выдернуть из-под сапога противника. Под стеной завожился, приходя в себя, Ригирт.

Петер выпрямился, сжимая посох, и оказался лицом к лицу с Марольдом. Тот, рыча ругательства и заклинания попеременно, занес руку – даже в темноте было заметно, как от кулака разбойника расходятся волны мрака, куда чернее ночной темени. Времени думать не было, и Петер, коротко взмахнув посохом, врезал им, словно дубиной чародею по голове. Во все стороны сыпанули искры, защита сработала, но Марольд отшатнулся и попятился, выкрикивая новые заклятия. В его руках снова закипала чернота.

Ригирт неожиданно проворно подскочил, схватил ученика за шиворот и кинулся вон из комнаты, увлекая Петера за собой. С другой руки толстяка сорвалось несколько молний. Скорее всего, в цель они не попали, но беглецам некогда было ждать результата. Они уже мчались по коридору, когда в комнате раздался оглушительный грохот, по стенам заметались сполохи, Ригирт с Петером вывалились из дома наружу, пригнувшись, метнулись в сторону... из дверей вылетел темный ком, ударил в землю – с грохотом взлетели языки пламени. Ригирт, по-прежнему не выпуская петерова воротника, бежал прочь, пригибаясь и петляя, а вслед несясь смех Марольда Черного...

Маг с учеником пробежали несколько кварталов, прежде чем Ригирт остановился и разжал кулак, сжимавший одежду ученика. Сопя и тяжело переводя дыхание, маг велел:

– Бежим отсюда! Скорей иди к себе, хватай вещи и дуй в «Счастливое колесо», я там заставлю хозяина вывести Велинартиса – и прочь отсюда.

– Но...

– Никаких «но»! Ученик, нам только что повезло выйти живыми из схватки с великим чародеем... возможно, величайшим в Мире! И я не хочу искушать судьбу вторично.

* * *

После разговора с чародеем Лукас не меньше часа бродил по городу, чтобы успокоиться. От одной знакомой лавки к другой, от вывески к вывеске, словно вид удачных работ мог помочь справиться с черными мыслями. Но непрошенные воспоминания сами собой лезли в голову – тот господин, которому разрисовал стену в трапезной замка, говорят, сломал ногу на турнире и охромел. Или заказ цеха мясников в этом, как его... даже название города забылось – но, говорят, ратуша, в которой работал Лукас, потом сгорела. Или чародей, заказавший Лукасу медальон с портретом красавицы жены. До художника недавно дошел слух, что молодая супруга сбежала от заказчика с его же собственным учеником. Или с бывшим учеником?.. Разумеется, совпадения! Пожары случаются сплошь и рядом, благородные господа регулярно ломают конечности на турнирах, а если красавица сбежала от пожилого супруга с пригожим учеником – что же здесь удивительного? Но вот мясник... Неужели картины Лукаса все-таки приносят несчастье? А ведь он пишет с самыми добрыми помыслами! Душу вкладывает в работу! Душу... Быть может, с ним что-то не так?

Лукас помотал головой, прогоняя вздорные мысли. Если почтенный мастер чародей сказал, что в картине нет никакой злой магии, значит, так оно и есть. Колдун так внимательно изучал вывеску с пастухом... Нет-нет, этот солидный чародей не может ошибиться, с картинами Лукаса все в порядке. Художник поднял голову – ого, а уже темнеет! Надо скорей выбираться из города, пока не заперли ворота. Мона, дочь, должно быть, уже ждет и, конечно, поставила свечу на подоконник, чтобы Лукас скорей отыскал дом в лесу. Художник торопливо зашагал по опустевшим улицам к воротам. Успел вовремя, стражники как раз готовились запираить въезд в Пинед. Лукас мимоходом отметил, что нынче не присутствует никто из начальства. Закрытие

ворот – это небольшая церемония, обычно кто-то из офицеров обязательно стоит в сторонке и присматривает, или сам начальник стражи Эдвар, или сержант Бэр. Сегодня не было никого.

Шагая по тракту, Лукас слышал позади скрип массивных петель, потом глухо щелкнул окованный стальными полосами засов, входя в пазы. Зазвенели ключи. Художник не стал оглядываться, он торопился, пока не стемнело окончательно – тогда тропинку в лесу не отыщешь... Чем сильнее смеркалось, тем меньше Лукас думал о проклятиях и предназначениях. Напрягая зрение, художник высматривал покосившийся столб, у которого следовало свернуть с тракта. Вот и он. Лукас сошел с дороги и прибавил шаг. Теперь художник уже ругал себя, что слонялся по Пинеду, вместо того, чтобы засветло возвратиться домой. Дочь, наверное, волнуется, да и вставать завтра спозаранку, в монастырь идти...

Лукас подрядился расписать стены здешней обители, завтра следует начать – сперва обмерить оштукатуренные поверхности, составить план, потом можно браться за эскизы... Большая работа, на год или два. Когда пойдет роспись, надо будет подмастерьев набрать... Задумавшись о предстоящих трудах, Лукас увлекся – и вдруг сообразил, что идет слишком долго, наверняка должен бы показаться огонек свечи Моны. Художник стал озираться в поисках потерянной тропы – показалось, вроде с одной стороны деревья расступаются, и Лукас пошел туда, ощупывая едва различимые в темноте шершавые стволы выставленной ладонью. Другой рукой он прижимал к себе вывеску. Лес здесь не слишком густой, и хищников не водится, так что Лукас не боялся. Но вот Мона там волнуется, должно быть.

Вскоре, в самом деле, стало светлей, деревья расступились, и путник очутился на открытом пространстве. Здесь, на опушке оказалось не так темно, как под сенью деревьев, можно разглядеть окрестности. Перед Лукасом лежала дорога, а в отдалении темнела громада городских стен, он вышел на тракт почти к самому Пинеду. Если немного подождать, взойдет луна и будет видно совсем хорошо, решил художник.

Со стороны Пинеда донеслись звуки голосов. Разобрать ничего не удалось, слышно было только, что говорящие недовольны... похоже, брань. Ничего удивительного – стал бы кто-то орать среди ночи с добрыми мыслями. Лукас предположил, что какой-нибудь запоздавший путник ломится в ворота, а стража гонит беднягу прочь. Ночью городских ворот не отворяют.

Глава 6

Свена разбудили сердитые голоса. За окном препирались и переругивались несколько мужчин. Спросонок парень решил сперва, что проспал, но между ставнями не видать света – стало быть, еще ночь. Какой урод может орать среди ночи? Жил Свен у самых городских ворот. Днем здесь всегда шумно, народ снует туда и сюда – кто в город, кто наружу, но ночью обычно царит тишина. Ворота-то закрыты! А тут – крики, брань!

Свен почувствовал раздражение, ему с рассветом в кузницу, нужно выспаться. Парень перевернулся на другой бок, надеясь, что крикуны утомятся... куда там! Шумят пуще прежнего, того и гляди, весь квартал поднимут!

В соседней комнате заскрипела кровать – вот, еще и мать разбудили.

Представив, как старуха станет зудеть, Свен рассердился. Ну, сейчас он ночным буянам задаст! Окончательно проснувшись, подмастерье натянул штаны и пошлепал к двери.

У ворот, как всегда, светили фонари. Светили – не совсем верное слово: мигали, коптили, тускло мерцали. Городская стража из экономии заправляла их скверным маслом. Тем не менее, Свен разглядел, что на стражников напирает давешний колдун – наставник Петера. Да и сам старый приятель тоже переминается с ноги на ногу, зевает и поправляет упряжь на ослике. Должно быть, навьючили второпях, плохо сбрую подогнали. А колдун гремит:

– Мне плевать, что не велено! Я решил отсюда убраться, и я покину это разбойничье гнездо! Если не отопрете добром, выломаю ваши ворота! Да-да, выломаю!

– Так нам запрещено... – вяло спорил заспанный стражник, отступая под напором чародея, – начальство голову оторвет, ночью-то открывать...

– Отпирай, говорю! Твое начальство! Мне плевать, что оно тебе оторвет! А ну, быстро открывай ворота!

Стражник, пятясь, скрылся в портале. Свен сообразил, что к магу лучше сейчас не лезть. Но что гонит чародея, еще вчера вальяжного и неторопливого, среди ночи из Пинеда? Ригирт, грозно наступающий на солдата, как раз оказался под тусклым фонарем, Свен разглядел, что одежда колдуна измята и изодрана, а шапочку он потерял. Среди растрепанных кудрей отсвечивала небольшая плешь. Свен подошел к Петеру и буркнул:

– Что случилось?

– Свен, – забормотал ученик чародея, – слушай, Свен! Мы бежим, мой наставник дрался с Марольдом, но нас подставили!

– Подставили? Как это?

– Мы должны были напасть на разбойника, застать его врасплох у этой девушки, ну, у этой... в «Счастливом колесе», у Лоры!

– У Лоры? Значит, правду говорят...

– Да, но Марольда предупредили! – Петер бубнил под своим капюшоном, теребя поводья. – Кто-то предупредил Марольда, он устроил засаду, мы дрались с ним... я ему по башке...

Стражник отпер замок, потянул тяжелый засов. Протяжно заскрипели петли ворот.

– Быстрее давайте, что ли... – пробурчал стражник. – Пока тихо-то.

– Ученик! – срывающимся голосом позвал Ригирт. Чародей уже был по ту сторону стены. – Петер, идем!

– Ну, прощай, Свен, – бросил Петер. – Может, я скоро вернусь... Учитель сказал, что...

Зацокали ослиные копыта, последние слова Петера утонули в скрипе, стражник торопился затворить ворота...

И тут раздался такой пронзительный женский крик, что солдат от неожиданности выронил ключи.

– Ну, что я тебе говорила?! Что говорила?!

Свен оглянулся и с ужасом увидел, что мать не только проснулась, но успела накинуть халат, выбраться на улицу и, кажется, услышать его разговор с Петером. Теперь она стояла, подбоченившись, прямо напротив стражников, которые, изумленно выпучив глаза, уставились на разгневанную старуху.

– Лорка якшается с разбойником! Разве я не говорила, что эту девку нужно обходить за версту! – визгливо вскричала она.

– Мама, ну что вы шумите, перед людьми неудобно, – вяло пробормотал Свен.

Но эта фраза лишь только подлила масла в огонь.

– Ему неудобно! Слыхали? Ему неудобно! – еще громче заголосила женщина. – Бегать, на смех добрым людям, за девкой разбойника, ему, понимаете ли, удобно! Деньги копить на гостинцы, вместо того, чтобы башмаки себе купить, это удобно! Нет, вы только посмотрите, в чем он ходит? – вдруг обратилась она к стражникам, тщетно пытающимся найти в темноте оброненные ключи. – Башмаки-то совсем прохудились. Думаете, почему он новые не купит? Да каждый медяк бережет, девке распутной на подарки!

– Здесь ночью того... шуметь не положено, – вяло огрызнулся стражник.

– Да вот же ключи, на дороге лежат, – наконец-то, заметил пропажу напарник.

Однако поднять не успел. Старухин растоптанный башмак мгновенно смел ключи куда-то в сторону, а гулкий голос развеял последние остатки сна.

– У всех сыновья приличных девушек нашли! Только мой обалдуй за какой-то оторвой бегаёт. А ведь парень-то вырос, хоть куда. Да такого красавчика в целом Мире не сыщешь!

– Мама, хватит кричать, ночь на дворе. Мне выспаться надо перед работой! – в сердцах воскликнул Свен.

И эти слова, как ни странно, мгновенно подействовали на старуху.

– И то верно, сыночек, не высыпаясь совсем. Бледненький стал такой, лица на тебе нету... Все трудишься, трудишься, не отдыхаешь вовсе... Выспаться тебе надо...

Свен, не оглядываясь, быстро зашагал в сторону дома. Мать, чуть помешкав, последовала за ним.

– Ишь, бездельники, расшумелись, спать человеку не дают, – обернувшись, женщина погрозила стражникам огромным кулаком, и, продолжая сердито бормотать, заковыляла за сыном.

* * *

Лукас прислушался – странно, протяжный скрип петель... Неужели открывают? Художнику показалось, что перепалка стала тише, но теперь к крикунам присоединилась женщина... В самом деле, стукнул засов. Лукас на всякий случай отступил в тень, под деревья.

Вскоре на дороге показались путники – два человека и навьюченный осел. Шагают, не слишком торопясь. Когда они поравнялись с затаившимся Лукасом, тот, что был покрупней, вдруг остановился и буркнул:

– Сюрпризы продолжаются! Смотри, Петер, это же наш нынешний клиент!

Художник с удивлением узнал того самого колдуна, которому показывал вывеску с пастухом.

– Э... – промямлил Лукас. – Мастер чародей?

– А что вы здесь делаете, милейший? – сердито вскричал Ригирт. – Что?

– Я... заплутал... В лесу заблудился.

– По лесу бродите, мастер? – Ригирт сделал шаг по направлению к художнику, камень, венчавший колдовской посох, слегка засветился. – В лесу же здесь, говорят, разбойники? Вы один из них? Ну-ка, сознавайтесь, почтенный! Вы шли к разбойникам?

Ученик с ослом топтался на месте, не делая попыток вмешаться.

– Нет, что вы! – запротестовал художник. – Я живу в лесу, временно поселился, пока на монастырь работаю. В самой обители мне нельзя ночью оставаться, там монашки, мужчине запрещено...

– А, монастырь, – Ригирт остановился, опуская посох. – Понятно...

– Ну да, – торопливо продолжил Лукас, – Пинедский монастырь, вы, конечно, слышали – знаменитая обитель. Реликвия, Слеза Гунгиллы, там хранится, у гунгиллиных сестер.

Но Ригирт уже не слушал.

– Хотя какая мне-то разница! – объявил маг. – Я удаляюсь из этого поганого городишки...

– Мастер Ригирт! – окликнул ученик. – Это мой город!

– Э... да, прости, Петер. Я удаляюсь из твоего родного города. Этот Марольд... – тут колдун покосился на Лукаса и, должно быть, решил не распространяться при художнике. – В общем, мы уходим. Простите, мастер, я не смогу поглядеть портрет, как обещал. Обстоятельства! Всею виной обстоятельства.

– Мы можем вам чем-то помочь? – снова заговорил Петер. – Вы, кажется, сказали, что заблудились?

– Да, заплутал в темноте. В лесу под деревьями и вовсе ни Гангмара не видать.

– Я могу сделать вам такого... ну, светлячка, – предложил Петер. – Учитель, позволите?

– Да, конечно... Но не будем терять времени. В какую вам сторону, мастер художник?

– Пока с вами, потом должен быть столб, там я сверну на тропинку.

– Ну, идемте вместе!

Ригирт зашагал первым. Петер пристроился следом, вскоре в руках ученика что-то засветилось. Художник, шагавший за парнем рядом с осликом, ускорил шаг и поравнялся с молодым чародеем. Тот протянул Лукасу обычную шишку, которая испускала холодный зеленоватый свет.

– Вот, – немного смущенно сказал Петер. – Это поможет вам не заплутать в лесу. Только она недолго будет светить, скоро заклинание начнет слабеть, а часа через два погаснет вовсе. Успеете дойти?

– Конечно, – кивнул художник, – здесь недалеко. Спасибо, мастер.

С магическим фонариком Лукас почувствовал себя уверенней, хотя светящуюся шишку держать в руках было странно и непривычно. А колдуны, больше не обращая на него внимания, вполголоса завели свои странные разговоры.

– ...Не понимаю, откуда в здешнем захолустье мог появиться такой мастер, – бубнил толстый чародей, – я, между прочим, использовал против него Кулак Огнара! Это очень действенное заклинание, уж ты мне поверь... но...

Несколько шагов прошли молча.

– А признайте, мастер Ригирт, – нарушил паузу ученик, – когда я просто стукнул его, это оказалось куда полезней.

– Случайность! – запальчиво воскликнул чародей. Потом продолжил уже гораздо тише – Э... Петер, послушай, если ты пообещаешь мне не распространяться о нынешней истории, то я... я обещаю... пожалуй, через год ты получишь патент на частную практику. Мы ускорим обучение и через год... или через два года, самое большее, я добьюсь, чтобы гильдия позволила тебе...

Тут в зеленоватом свете Лукас разглядел у обочины знакомый столб.

– Благодарю, мастера, за помощь, – громко произнес художник, – и за приятную компанию! Прощайте! Счастливого пути!

* * *

В лесу было по-прежнему темно, лунный свет не проникал сквозь сплетение ветвей над головой. Но Лукас уверенно шагал по тропинке, освещенной странным магическим фонариком. Вскоре зеленоватое свечение начало слабеть, даже быстрее, чем предупреждал парень, но Лукас уже различил между стволов огонек свечи. Такой теплый, живой – по сравнению с мертвенно-зеленым светом заколдованной шишки.

Лукас подошел к окну и заглянул в мутное стекло. Свеча на столе почти догорела, а Мона, похоже, задремала, опустив лицо в сложенные ладони. Художник улыбнулся и постучал.

Дочка, как всегда, радостно бросилась навстречу, словно после долгой разлуки. Отворила дверь, обняла.

– Ну, вот, наконец-то! А ужин уже остыл... Погоди, я сейчас!

Мона поцеловала отца и убежала хлопотать. Лукас печально посмотрел ей вслед. Милая, ласковая девочка, рано осталась без матери, очень сильно привязана к отцу. Пожалуй, что даже слишком сильно. В последнее время Лукас все чаще задумывался об этом. Моне скоро шестнадцать, совсем уже взрослая барышня. А у нее ни ухажеров, ни даже подруг. Сказалась, видать, кочевая жизнь, постоянные переезды из города в город. Вот только закончил расписывать своды Дригского собора, и сразу в Пинедскую обитель работать позвали. А год-другой спустя, глядишь, снова переезжать придется. Откуда подружкам-то взяться? Хотя, справедливости ради, надо сказать, тут дело не только в частых разъездах. Иная не то, что за месяц, да в первый же день со всеми перезнакомится и тут же подружится. У детей это обычно быстро происходит. Да только не у Моны. Красивая девушка, а людей дичится, из дому лишний раз не вытащишь. Часами может наблюдать, как отец картины пишет. Или подолгу книжку с картинками листает. Лукас когда-то в Ливде у старьевщика купил. Древняя книга, буквы странно выписаны, не разобрать, о чем... зато рисунки – глаз не оторвать. Старьевщик с фальшивой увлеченностью расписывал достоинства этой книги, но Лукас и без уговоров захотел приобрести старинный фолиант.

Конечно, для художника такая реликвия – настоящая находка. Уже несколько лет Лукас ежедневно рассматривает иллюстрации, наброски делает для будущих картин. В работе большое подспорье: иной раз случалось попросту срисовать из книги... людям-то нравится.

Хорошая книга, полезная. Но для художника! А вот молодой девице могло бы и поинтересней занятие найтись. Но Мона живет заботами отца. Ждет не дождется его с работы, бросается навстречу, мгновенно замечает, в каком настроении он пришел. В тяжелые дни, как может, старается утешить. Вот и сегодня девушка сразу почувствовала неладное.

– Папа, что-то случилось? Ты печальный, растерянный такой, – с тревогой глядя на отца, спросила Мона. – И эта вывеска из лавки мясника... Зачем ты снова домой ее принес?

Лукас натужно улыбнулся.

– Все в порядке, дочурка, я просто немного устал. А вывеска... понимаешь, какое дело... Она теперь больше не нужна. Закрыв мясник лавку, решил завести другое дело, – неуклюже солгал он.

Как и всегда, Лукас старался не тревожить дочку, не рассказывать ей ни о чем плохом. Вот теперь живут они в мрачном, кишасщем бандитами, городе. Все запуганы, платят разбойникам дань, слово лишнее боятся сказать. А дочка весела и беспечна, обо всех этих ужасах даже не ведает. Верит каждому слову отца. Вот хорошо ли это?

Мона взяла в руки вывеску, долго любовалась забавной картинкой.

– Какая красивая у пастуха свирель! Я как раз сегодня в книжке такую видела.

Мона притащила тяжелый том, бережно пролистнула рассыпающиеся от времени пожелтевшие страницы с неведомыми письменами. Долго смотрела на старинную гравюру. В книге

картина была еще интересней – кудрявого юношу со свирелью окружают не бессловесные твари, а девушки. Слушают, склонив головы, мечтают, должно быть.

– Вот бы узнать, о чем здесь написано, – задумчиво проговорила Мона, разглядывая надписи возле картинки.

Лукас не отвечал. В голове у него все звучали странные слова, произнесенные дочерью убитого мясника: «Сам Марольд Ночь картиной интересуется».

Что они могли означать, он не знал. Было лишь совершенно ясно: хорошего ждать не приходится.

Глава 7

На следующее утро Лукас отправился в монастырь. Его ждала рутинная работа – замерять оштукатуренные поверхности, рисовать планы помещений.

Путь предстоял недалекий, по тропинке сквозь небольшой перелесок, затем мимо вековых дубов вдоль быстро бегущего ручейка к подножию холма, а там уже и до ворот обители рукой подать. Стало быть, на всю дорогу минут пятнадцать хорошим шагом, не более. Так ведь когда-то и было рассчитано, чтобы наемные мастера, ремонтировавшие монастырские здания, жили поблизости, а не тащились ни свет, ни заря аж из самого города.

Много воды с тех пор утекло, как была выстроена на развалинах эльфийского замка Пинедская обитель, много раз приходилось людям достраивать и укреплять ее быстро ветшающие стены. Были, говорят, времена, когда селился работный люд возле самого монастыря. Но только городская стража однажды снесла жилье строителей, да так, что камня на камне не осталось. А новое выстроили уже за перелеском, подальше от монастырских ворот. А почему, да зачем это сделали, какие тайны хранили много чего повидавшие стены, история умалчивает. Может, попросту некоей церковной шишке пришлось не по душе, что мужчин поселили у самой обители гунгиллиных сестер. А может, какие-то иные причины нашлись. Да Лукас особо и не интересовался. Где только ни приходилось ему жить во время частых переездов! Так что привык ничему не удивляться. Селился, где было велено, в городе – так в городе, при монастыре – так при монастыре, ну, а в лесу, – значит, в лесу. Есть крыша над головой, и ладно.

Утро выдалось сумрачное, ненастное, моросил мелкий холодный дождь. В такие дни Пинедская обитель выглядела особенно мрачно и зловеще. Не лучше оказалось и за воротами. Опустевший монастырский двор, раскисшая земля... на растоптанной в грязь тропинке мокнет под дождем обрonnenный платок.

Встретила художника настоятельница Гана, маленькая горбунья с сердито сжатым запавшим ртом и крохотными, колючими глазками. Молча провела в здание, что-то сердито прошамкала, показывая на небрежно покрашенные, а кое-где еще и сырые стены.

Лукас кивнул и принялся делать замеры, записывая результаты на предварительно заготовленный набросок плана. Работа была привычной, поэтому продвигалась споро. Смущала лишь настоятельница, которая все это время продолжала неусыпно наблюдать за художником. Несколько раз Лукас переходил из одного помещения в другое, спускался и поднимался по многочисленным лестницам, кружил по узким, извилистым коридорам. И всюду горбатая старуха молча следовала за ним. Только однажды, когда художник собрался спуститься по крутой винтовой лестнице, настоятельница грозно потребовала, чтобы он возвращался назад. Лукас слегка удивился, но спорить не стал. Нет, так нет... А лестница выглядела очень древней, ступени мраморные, в отличие от стен, сложенных из кирпича. Да и перила вытерты до зеркального блеска. Должно быть, ход в хранилище, решил Лукас. Понятно, что на складе росписи ни к чему.

Наконец время, отведенное ему на пребывание в обители, подошло к концу, и, попрощавшись с сердитой монахиней, художник поспешил покинуть здание.

Дождь прекратился, но небо все еще было затянуто сплошной серой пеленой. Лукас вдруг подумал, что как-то уж слишком темно нынче, даже для столь неприветливой погоды. Время-то раннее, колокол недавно к обедне звонил. Вчера в этот час солнце в зените стояло, а тут прямо сумерки на дворе.

А еще Лукас подумал, что вот надо же, как неудачно совпало, именно сегодня он собирался приняться за портрет дочери. Ведь столько раз откладывал под разными предлогами эту работу, а нынче твердо решил начать. И тут как назло – словно ночь среди бела дня наступила.

Может, распогодится понемногу? Однако когда Лукас вернулся домой, стало, как будто, еще темнее.

* * *

Мона, похоже, не замечала ничего необычного. Как всегда радостно бросилась навстречу отцу, обняла, потом быстро накрыла стол. После обеда зажгла в мастерской чуть ли не все свечи, которые были в доме, уселась перед пустым холстом, приготовленным еще вчера, и замерла, будто в ожидании чуда.

Лукас тяжело вздохнул и принялся за обещанный портрет. Рисовать он любил при ярком дневном свете. Неровное пламя свечей искажало лицо, меняло выражение глаз. Художник уже решил, сделав несколько мазков, отложить работу на завтра. Но вдруг неожиданно увлекся. Краски ложились будто сами собой, лицо дочери оживало на портрете. Лукас, забыв обо всем на свете, вдохновенно рисовал. Поэтому даже не заметил, когда в мастерской неожиданно погасла свеча. Она висела чуть в стороне, у самого входа, так что художник не обратил внимания и уверенно продолжал работу, торопясь сделать побольше, пока не угас порыв, и краски словно сами ложатся на холст. Но вскоре почти одновременно погасли еще три свечи, установленные возле мольберта. В полумраке лицо Моны на холсте вдруг сделалось настолько неотличимым от настоящего, что Лукасу стало страшно. Он так и застыл с кистью в руке, не в силах оторвать взгляд от портрета. И тут одна за другой быстро погасли остальные свечи. Вскоре помещение освещал лишь тусклый свет масляной лампы висящей под самым потолком. За окном слышались шаги, и минутой позже раздался громкий требовательный стук.

Лукас кинулся к выходу, едва приоткрыл дверь... Незванный гость шагнул в комнату так решительно, что художник невольно отступил и посторонился. Пришелец оказался, насколько можно было разглядеть в неверном свете лампы, невысоким смуглым брюнетом, с некрасивым, слегка асимметричным лицом. Огромные блестящие черные глаза гостя казались чужими на этой невыразительной физиономии. Одет мужчина был роскошно – и во все черное. При этом наряд его не украшали ни цепи, ни пряжки, лишь массивный старинный перстень на указательном пальце довершал загадочный облик.

– Мона, иди отсюда, – поспешил выпроводить из комнаты дочь перепуганный художник.

Девушка послушно вышла, только за порогом чуть замешкалась и бросила через плечо внимательный взгляд на незнакомца. Но Лукас тут же плотно закрыл за нею дверь. Пришелец успел оглядеть Мону с ног до головы цепким, оценивающим взглядом. Потом, когда девушка скрылась, перевел взгляд на портрет.

– До чего ж хороша! – восхищенно воскликнул он. – И портрет хорош!

Лицо бесцеремонно ворвавшегося в дом мужчины вдруг изменилось. Теперь оно стало почти любезным, тонкие злобно поджатые губы скривило некое подобие улыбки. Надо ли говорить, что Лукаса эта внезапная перемена перепугала еще больше!

Незнакомец меж тем внимательно оглядел мастерскую. Несмотря на сгустившиеся сумерки, сразу же заприметил злополучную вывеску из мясной лавки. Подошел к ней, склонился, разглядывая... довольно прицокнул языком.

– Замечательная работа! – низким, немного глухим голосом, проговорил он. – Особенно хороша свирель, как будто срисована со старинной гравюры! Музыкальные инструменты – вообще моя слабость. Интересно, где вы могли увидеть столь прекрасную вещь? Теперь ведь таких нигде не делают? Эта свирель изумительна, какие изящные очертания! Нынешние ремесленники разучились, мастерство утрачено, а вот в старину знали толк в музыкальных инструментах... – Незнакомец немного помолчал, пристально глядя на насмерть перепуганного Лукаса, потом, не дождавшись ответа, продолжил. – До чего же приятно встретить в этой дыре культурного человека, с которым можно поговорить о древностях. Знаете, мои парни –

славные ребята, верные, бесстрашные, прекрасно владеют оружием. Они могут часами обсуждать боевые приемы, способы заточки клинков и тактику ближнего боя... да... Но вот о прекрасном с ними, увы, не поговоришь. О музыке, о живописи, о любви. О древних манускриптах, наконец!

Незнакомец замолчал, заметив лежащую на столе книгу, ту самую, с которой Лукас срисовывал свирель.

* * *

На миг весь внешний лоск гостя пропал. Он бросился к раскрытой книге, жадно схватил ее и, быстро сунув подмышку, тут же направился к выходу. Потом, словно, опомнившись, остановился. Вытащил из кармана горсть серебряных монет и положил на стол. Снова натужно улыбнулся.

– Поймите правильно, мне просто необходимо прочесть этот текст. Когда б вы только знали, сколько лет я его искал! Но если книга вам нужна, – незнакомец снова подошел к портрету Моны и впился глазами в холст, – на днях я снова сюда загляну и принесу ее обратно. До скорой встречи!

– Нет! – отчаянно закричал Лукас. – Забирайте книгу насовсем. И деньги заберите. Идите, себе с Гилфингом, забудьте об этом доме! У вас своя жизнь, у нас своя. Не надо книгу возвращать. Только сейчас, пожалуйста, уходите.

Незнакомец недобро сверкнул глазами и молча вышел.

– Деньги, возьмите деньги! – кинулся следом за ним Лукас.

– Монеты оставь себе, да смотри, к моему приходу дочь получше приодень, не люблю, когда такая девчонка в старом платье ходит, – не оглядываясь, бросил с порога незваный гость. Громко хлопнула входная дверь. В помещении сразу же стало светлее.

Лукас стоял, сжав кулаки, и глядел под ноги. Сердце вдруг запоздало начало стучать сильнее – будто что-то прошло рядом, огромное и тяжелое... Не задело, даже не заметило, но... Незваный гость производил очень странное впечатление. Очень.

Из соседней комнаты вышла Мона. Она была все так же весела и беспечна. Зажгла свечи. Долго любовалась портретом.

– Папа, а кто приходил? – беззаботно спросила она.

– Да так, один любитель старины решил со мной познакомиться, о живописи поговорить, – привычно солгал Лукас.

– А почему ты такой бледный, и как будто чем-то напуган? Папа, признайся, что-то случилось?

Лукас задумался, не зная, что ответить. Дочка терпеливо ждала.

Внезапно взгляд ее упал на разбросанные по столу монеты.

– Откуда столько денег? – изумленно воскликнула Мона. – И книга любимая твоя, она же тут лежала, я точно помню... Эта, с картинками.

– Книга... ну, понимаешь... даже не знаю, как сказать...

– Неужели ты ее продал?

– Ну, да... Да, продал, конечно, почему бы и нет? – с готовностью ухватился за слова дочери Лукас. – Я ж эту книгу всю изучил вдоль и поперек, картинки, то есть, изучил... наброски, какие хотел, уже сделал. А тут такое дело, человек много лет ее искал... Видишь, как хорошо заплатил!

– Да, но...

– Вот я и подумал, деньги еще понадобятся, – торопливо продолжал Лукас, – прочесть-то книгу я все равно не могу! А человеку пригодится. Он так обрадовался, когда книгу увидел.

Мона опять поверила отцу. Грустно взглянула на разбросанные по столу монеты и, ничего не сказав, вышла из комнаты. Отец облегченно вздохнул, радуясь, что неприятный разговор закончен. Больше он к этой теме уже никогда не возвращался.

Глава 8

Наутро Свен, позавтракав под брюзжание матери, поплелся в кузницу. Работа не хуже и не лучше другой... да что там, паршивая, честно сказать, работа – но на многое ли может рассчитывать смысленный предприимчивый парень в захолустье? Свен считал себя очень смысленным и очень предприимчивым.

Кузнец, как обычно хмурый, встретил кивком. Пока Свен переодевался, Мейдер угрюмо бурчал что-то под нос, с дребезжанием перебирал инструменты и зевал. Потом отошел в угол к черной доске, где мелом были обозначены заказы. Писать мастер не умел, и обходился какими-то значками собственного изобретения, в которых никто, кроме него, не мог разобраться. Свен как-то предложил хозяину вести записи, но, получив суровую отповедь, больше с этим не лез. Кузнецу, похоже, нравились собственные закорючки, ему доставляло удовольствие, что никто другой – даже самый грамотный-преграмотный – не разберется в его каракулях. Вот и сейчас Мейдер долго водил по доске заскоружлым пальцем и, наконец, выбрал:

– Партия гвоздей! Две тысячи штук!

Потом, покосившись на Свена, уже раздувавшего мехи, сердито буркнул:

– Ровней качай! Ровней! Не дергай! Пока мехи раздувать как следует не научишься, в молотобойцы не перейдешь.

Свен молча продолжал трудиться. Как же, в молотобойцы! Молотобойцем у мастера Мейдера старший сын, а там и младшенький, глядишь, подрастет... Так что в кузнице Свену карьеры не сделать. Да и то сказать – карьеру... В кузнице-то. Нет, Свен – парень с головой! Он может рассчитывать на большее.

Мастер уже выбрал стальные прутья для заготовок, а его младший сын принялся таскать воду в чан, когда у входа в кузницу зацокали копыта и послышались голоса. Кузнец вышел наружу, потом сунул голову в дверь и велел Свену:

– Погоди, не раздувай! Сейчас вот, подкуем лошадь господину солдату, тогда за гвозди возьмемся...

Работа ненадолго откладывалась, и Свен вышел поглядеть на заказчика. Оказалось, к мастеру Мейдеру пожаловал начальник стражи, а подковать требовалось жеребца, принадлежащего латнику самого сенешаля. Солдат, рослый статный парень в синем плаще поверх доспехов, держался очень гордо и свысока поглядывал на окружающих, в том числе и на Эдвара. А тот, как всегда унылый, нудно рассуждал вслух:

– Что ж за спешка-то... почему же именно завтра? У нас тут такие дела творятся... Эх, не вовремя, не вовремя.

– Налоги всегда не вовремя собирают, – ухмыльнувшись, заметил приезжий латник, – но тут уж откладывать нельзя. Скоро пожалует к нам герцог, самого императора старший сын. Наследник престола! Велено пышную встречу готовить, потому-то налоги собираем и за прошлый год, у кого недоимки, и на полгода вперед тоже. Принцу почет оказать – дорого стоит. Так что вовремя, или не вовремя, а завтра господин казначей с обозом прибудет в Пинед.

Свен с завистью разглядывал великолепного солдата, блестящие доспехи, длинный меч, шпоры, побрякивающие при каждом движении красавца. Конь латника тоже показался подмастерью великолепным скакуном, хотя, скорей всего, жеребец был не породистый – Свен в лошадях не разбирался. Вот это жизнь, подумалось помощнику кузнеца. Вот это настоящая жизнь! Походы, сражения, а какой конь! А меч! А доспехи! Эх, если бы ему, Свену, только шанс показать себя... уж он бы стал отличным воином.

– Да я не к тому, – махнул рукой Эдвар, – налоги – не моя печаль. Разбойники у нас в лесу. Банда Марольда Черного. Черный – колдун, ловко ворожить, злодей, наловчился, никак

его поймать не могу. Нынче нанял мага знающего, чтобы Марольда извел своей волшбой, да где там!

– Что, одолел разбойник приезжего колдуна? – спросил солдат.

– Одолел, еще как одолел! Чародей этот бродячий так от нашего Марольда бежал, только пятки сверкали!

Свен подумал, что начальник стражи не без некоторой гордости говорит об удачливом местном разбойнике. Да что там! Парень и сам ощутил, что где-то даже рад – вот, мол, как наш колдун утер нос пришлому! А что разбойник – так все они, чародеи, друг друга стоят.

– Про Марольда и у нас в Гонзоре говорят, – отозвался солдат. – Вот поэтому и требуется, чтобы вы, мастер, со своими людьми господина казначея по дороге встретили. Дополнительная охрана не помешает. Вряд ли разбойник отважится на большой караван напасть, но все же... Что, готово?

Кузнец закончил работу, латник расплатился, и, садясь в седло, бросил сверху вниз:

– Так что, мастер, завтра встречайте казначейский обоз. Ну а я еще раз в магистрат ваш загляну, потороплю насчет налогов.

Свен с тоской уставился вслед великолепному всаднику. Эх... Вот бы так, на коне...

– Ну, чего спишь! – прервал мечты подмастерья сердитый окрик Мейдера. – Раздувай мехи, соня! Нам две тысячи гвоздей сковать нынче...

* * *

Весь день, качая рычаг, а затем, помогая мастеру Мейдеру пересчитывать гвозди, Свен вспоминал красивого всадника и мечтал о героических подвигах. Он даже не пошел, как обычно после работы, в «Счастливое колесо» послушать рассказы приезжих – сразу отправился домой, чем вызвал волнение матери: не заболел ли?

Нет, не заболел, а просто задумался – к чему он, Свен, теряет лучшие годы в кузнице Мейдера? Мир так велик – а он торчит в маленьком захолустном городишке в Гонзоре, на окраине Империи! И ладно бы на южной границе, где, говорят, снова разгорается война с нелюдьми... Нет, в Пинедде не происходит ничего интересного, а самые красивые девушки крутят любовь с разбойниками.

На следующее утро, когда Свен явился в кузницу и собрался переодеться в рабочее платье, Мейдер остановил его:

– Не спеши! Сегодня работаешь не у меня!

– Как это?

– Слышал, что вчера солдатик нашему Эдвару толковал? Про Марольда, про обоз казначейский? Так вот, нынче велено созвать городское ополчение. И ко мне из магистрата приходили, одного человека нужно на службу отправить.

Свен не верил собственным ушам.

– Ополчение? А что, будет война?

– Какая война, дурень? – Мейдер нахмурился. – Наша стража выступает обоз встретить и через лес проводить, понял? Поэтому соберут десяток олухов вроде тебя, поставят ворота стеречь да за порядком на рынке присматривать, вместо парней Эдвара. Война... При тебе ж вчера этот малый в синем плаще с нашим капитаном толковал. Вот что, Свен, я тебе скажу: нашему брату следует ухо держать востро, и все, что важные персоны при нас говорят, мотать на ус. Глядишь, где и обломится толика выгоды. Заказ какой, или еще что-то. Понял? Эй, ты меня понял?

– Да, мастер...

Свен загрустил. Войны не будет. Опять не будет ничего интересного. Правда, с другой стороны, хорошо уже, что не придется целый день торчать в кузнице, качать мехи, таскать уголь и подсчитывать гвозди.

– А если понял, дуй в магистрат. Писаря знаешь? Найдешь его, скажешь, мастер Мейдер прислал. Ну, ступай себе с Гилфингом...

У магистрата Свен присоединился к толпе таких же, как и он, подмастерьев, присланных заменить городских стражников. Парню выдали помятую каску, кожаную, подбитую войлоком, безрукавку, украшенную позеленевшими медными бляхами и круглым стальным щитком посередине груди, а также вооружили секирой на длинной рукояти. Должно быть, статный рослый Свен выгодно отличался от сотоварищей, потому его назначили охранять ворота, чтобы господин казначей, въезжая в Пинед, видел молодежавшего подтянутого стражника. В помощь назначили троих подмастерьев, да наказали им не слишком высовываться, когда явится начальство.

Свен занял пост в городских воротах. Вскоре мимо подмастерья протопали полторы дюжины стражников, возглавляемых Эдваром – командир, угрюмый, как всегда, по случаю похода оседлал смирную лошадку и пристегнул к поясу меч в украшенных бляхами ножнах. Свен проводил земляков равнодушным взглядом – эти вояки не вызвали у парня зависти, как давешний гонец – и приготовился скучать.

Мимо покатили крестьянские возы, запряженные унылыми клячами, которых понукали столь же унылые возчики. Тоскливое зрелище.

* * *

Поднялось солнце, в доспехах стало жарковато, но Свена не раздражала ни жара, ни застарелый запах пота, пропитавшего куртку. Он чувствовал себя большим начальником и даже пару раз прикрикнул на подчиненных ему подмастерьев – не зло прикрикнул, а так, для порядка. Однако и ему, в конце концов, надоело разыгрывать из себя важную шишку, тем более, что на проезжих Свен особого впечатления не производил.

Удостоверившись, что повозки катятся, а путники шагают в обе стороны без его участия не менее успешно, чем когда он покрикивает, Свен решил оставить подчиненных глотать пыль в воротах, а сам поднялся на башенку.

С невысоких пинедских укреплений округу было видно не очень-то хорошо, обзор загораживали поросшие лесом холмы. Бугристые зеленые склоны волнами уходили к горизонту, лишь кое-где изредка попадались расчищенные поля, засеянные пшеницей, да маячила вдалеке колокольня. Свен снял каску и подставил потный лоб легкому ветерку. Здесь, наверно, было все же чуть прохладней, чем в пыльном портале ворот.

В душном чуть колышущемся мареве поплыл колокольный звон. Сперва зазвонили в часовне, что едва виднелась за холмами, затем – в невидимом отсюда монастыре, потом и в городской церкви подхватили. Значит, уже полдень... Интересно, когда появится казначейский обоз? Там наверняка есть на что поглядеть! Будут важные персоны, писари и чиновники, будет сам казначей, будет охрана в красивых доспехах, таких, как у вчерашнего гонца. Свен замечтался и не заметил, что к воротам изнутри подошли трое членов городского совета. Свена окликнули.

Толстый краснощекий старшина ткачей поинтересовался, не видать ли обоза. Свен развел руками – нет.

– Странно, – заявил толстый ткач, – хотя бы показаться должны... Время-то уже им до нас добраться. Ну, ничего, подождем... Однако, жаркий нынче выдался денек!

– Точно, – согласился другой мастер, – жарко, да и парит. Пожалуй, к вечеру грозу жди. Дождичек соберется.

– К вечеру? Да нет, похоже, совсем скоро, – возразил третий, – вон как потемнело.

Все задрали головы и поглядели в небо. Свен, не удержавшись, тоже уставился вверх. Удивительное дело, не видно ни облачка, тем не менее, стало темнее, притом, что солнце палит по-прежнему, да и ветер сильнее не сделался. В небе над Пинедом происходило что-то непонятное.

Свену почудилось, будто ветерок иногда доносит отзвуки сражения. Парень перестал пялиться в посеревшие небеса и уставился на дорогу. В отдалении, почти у самого горизонта, где тракт скрывался в ложине между двух лесистых холмов, клубилась тьма. Похоже, что там вдруг наступила ночь – такая маленькая, крошечная ночка, темноты в которой хватило лишь, чтобы застлать черным пологом небо над дорогой и покатыми, поросшими кривым подлеском, скатами. В мареве изредка сверкали вспышки – будто и впрямь разразилась гроза, о которой толковали члены городского Совета, да только ни туч, ни дождя не было.

Свен хотел крикнуть, объяснить, привлечь внимание земляков к тьме вдали, но никак не находились нужные слова, да и какие слова-то? Как можно описать клубящуюся между холмами тень, превратившую светлый день в ночную темень над дорогой?

И вдруг нужное слово нашлось. С трудом, пересиливая себя, Свен просипел, тыкая пальцем вдоль тракта:

– Марольд! Марольд Ночь!

И тут же, словно имя разбойника сняло запрет со стихии, задул холодный ветер, несущий вопли, грохот и лязг оружия. Возчики в воротах придержали коней, кто-то выбежал наружу, чтобы выглянуть из-за телег, какой-то крестьянин привстал на облучке. Все смотрели и слушали, а Свену, глядящему с башенки, уже были видны черные точки, медленно выползающие из облака мрака и спешащие по дороге к Пинеду – беглецы, спасающиеся от людей Марольда, напавших на казначейский обоз.

Глава 9

Около полудня Лукас, как обычно, закончил работу в монастыре. План обители постепенно дополнялся, обрастал пометками и пояснениями. Художник уже прикидывал, в какой последовательности он будет расписывать помещения, да сколько подмастерьев потребуется... Неплохая работа, тихая, спокойная. Лукас не любил трудиться на людях, а обитательницы монастыря стараются не показываться на глаза мужчине. Все, кроме настоятельницы, старательно избегают художника. Зато нудная и настырная горбунья одна могла испортить настроение, это Лукас уже понял.

Погруженный в раздумья, художник шагал по лесу и вдруг заметил, что стало темно. Лукас замер и машинально посмотрел вверх – неожиданно посеревшее небо было, тем не менее, чистым. Ни облачка – очень странно, куда девается солнечный свет? Художник с тревогой огляделся – вокруг было тихо, даже лесные птицы смолкли. Ни шороха, ни треска веток под лапами зверья. Лукас переступил с ноги на ногу, хворост зашуршал, почудилось художнику, оглушительно. Потом вдруг налетел ветер, заходили верхушки сосен над головой, закрипели, зашуршали, сухо зашелестела листва... И тут же странный ветер донес новые шумы – грохот, хриплые вопли боли и отчаяния, звон и скрежет.

Лукас осторожно двинулся навстречу звукам. Что бы там ни происходило, он должен это увидеть! Художник шагал осторожно, стараясь держаться под прикрытием деревьев. А в лесу становилось все темней и темней. И крики слышались все явственней.

Первого покойника Лукас увидел, когда звуки боя, казалось, были еще далеко. Выглянув в очередной раз из-за толстой сосны, художник заметил руку с растопыренными судорожно искривленными пальцами. Покойник замер, прислонившись к стволу по другую сторону от мастера. Гвардеец в кольчуге и шлеме. Меч валяется рядом, а по отставленной руке медленно стекают багровые капли... Лукас осторожно прикоснулся к плечу солдата, покойник медленно сполз в кучу хвои у подножия ствола и, перевернувшись, завалился лицом вниз. Лукас подобрал меч и двинулся дальше. Пройдя несколько шагов, он обнаружил в кустах начальника пинедской стражи. Эдвар лежал на боку, под ним быстро растекалась темная лужа, кровь медленно впитывалась в мох и пожелтевшую хвою. Этот был жив. Увидев, что стражник пошевелился, Лукас подбежал к нему и рухнул рядом на колени.

Эдвар приподнял голову и прохрипел:

– Наших... на дороге... Ночь... Там Бэр... он... где Бэр?..

При каждом выдохе по морщинам изо рта солдата стекала кровь.

– Что? – растерялся Лукас. Сперва художник не понял, что стражник называет имя сержанта.

Но ответить было некому. Последний красный ручеек сбежал по щеке Эдвара и стражник затих. Лукас быстро оглядел тело – в спине, под левой лопаткой, торчал нож, всаженный по самую рукоять. Художник в ужасе отпрянул, побежал, не разбирая дороги... за кустами оставившись, испугано озираясь по сторонам. Здесь было уже совсем темно, будто наступила ночь.

Лукас побрел в сумраке, изредка между деревьев мелькали какие-то фигуры, звенело оружие, кто-то надрывно орал... Ноги то и дело скользили в лужах крови, несколько раз попадались покойники – прислуга в добротных камзолах и стражники из Пинеды. Художник проклинал собственное любопытство, но упрямо шел дальше, не в силах остановиться или свернуть в сторону.

Лес становился все реже, впереди была дорога, там горели телеги, озаряя оранжевым пламенем странную темноту. Одна повозка, съехав с тракта, врезалась в росшие на опушке топольки, сломала несколько стволов и завалилась набок. В рассыпавшейся поклаже копошились двое в темных накидках. Лукас отшатнулся и, благодаря Гилфинга, что никем не замечен,

попятился назад – в густой лес, под прикрытия мощных сосен. Художник шагнул наискосок, постепенно удаляясь от дороги и обходя встречающиеся по пути тела. Один раз Лукас приметил покойника в темном плаще и кожаных, усиленных металлическими бляхами доспехах, этот явно не принадлежал к охране каравана. Лица его мастер не разглядел, лежал разбойник спиной вверх.

Впереди слышались крики и звон клинков. Лукас понял, что не успеет сбежать, и притаился за причудливо переплетенными стволами. Осторожно выглянул. Двое в темном теснили солдата, стараясь прижать к деревьям – как раз к тем, за которыми притаился Лукас. Солдат отступал, с трудом отражая удары с двух сторон. Возможности оглянуться у него не было, и только когда спина уперлась в твердое, он понял, что угодил в ловушку. Радостно завопив, разбойники кинулись к нему, заноса клинки, латник пригнулся. Один бандит угодил мечом в сосну над головой противника, клинок другого заскрежетал о кольчугу, солдат нанес ответный удар – разбойник с воем кинулся, ломая кусты, к дороге... Тут Лукас, едва соображая, что делает, выступил из укрытия и ткнул в лицо второго разбойника подобранным мечом. Острие угодило в глазницу и пробило мозг. Не издав ни звука, злодей завалился навзничь, выдернув рукоять из разом ослабших пальцев художника.

* * *

Спасенный Лукасом солдат, едва глянув на художника, бросил: «Бежим!» – и первым помчался по темному лесу, петляя между древесных стволов, Лукасу ничего не оставалось, кроме как побежать следом. Чем дальше оставалась дорога и горящие повозки, тем становилось светлей. Наконец латник остановился, привалившись к дереву, и поглядел на спутника.

– А ты не из наших? – тяжело переводя дыхание, пропыхтел он. – Вроде я тебя в обозе не приметил.

– Нет, я... случайно проходил.

Лукас только теперь рассмотрел, что солдатик совсем молоденький, лет двадцати. Перепугался, должно быть.

– Сам Гилфинг тебя послал, добрый человек, – заявил парнишка. – А как бы теперь к городу выйти?

– К городу... – Лукас огляделся, – пожалуй, туда.

Они побрели по серому лесу. Художник молчал, зато солдатик болтал без умолку. Должно быть, от пережитого волнения.

– ...Мы и не думали, что кто-то осмелится напасть на господина казначея. Разбойники обычно выбирают добычу полегче, чем наш конвой. Я даже удивился, когда эти к нам присоединились – ну, эти, из Пинеда. Стража городская. Командир у них такой... сутулый такой...

– Эдвар, – вставил Лукас. – Его убили.

– Да, Эдвар, – тараторил латник, – так вот, мы по дороге двигались, я в головном разъезде ехал, нас разбойники пропустили, а мы ничего не заметили. Вроде и не было никакой засады! Наверное, колдовство! Точно, это колдовство!

Лукас подумал, что дозорные, скорей просто не слишком приглядывались к лесу по обочинам, потому что не ждали нападения, а колдовство Марольда здесь не при чем – но смолчал.

– ...А потом как загрохотало что-то, как завывало! – захлебываясь, продолжал солдатик. – И еще стало смеркаться! Мы развернули коней и назад, да вдруг на всем скаку влетели в ночь.

– В ночь?

– Ну да! Это если идти, как мы вот сейчас, то вроде темнеет постепенно. А когда галопом... В общем, очнулся в кустах, кругом телеги горят, бой идет... да какой там бой... Этот колдун, Гангмар его заберет... никогда бы не подумал, что может быть такая сила у человека.

Он одной рукой перевернул фургон, я сам видел! Было темно, но телеги горели, огонь яркий! Так он ухватил фургон за борт! Одной рукой!..

Солдатик умолк. От горящего обоза они ушли достаточно далеко, здесь уже стало светло – почти, как и положено в полдень. Деревья расступились, и беглецы вышли к дороге. Разбойников было не видать, в отдалении темнели стены Пинеда, да в нескольких сотнях метров впереди, ближе к воротам, маячила горстка беглецов, несколько пеших окружали всадника, который сидел на упряжной лошади боком, так что его поддерживали, чтобы не свалился.

– О, да это же господин казначей! – обрадовался солдатик. – Жив, значит! И вон еще наши. Ну, благослови тебя Гилфинг, добрый человек! Идем, я расскажу, как ты меня выручил! Попрошу, чтобы наградили!

– Да нет, что ты... – Лукас смутился, – я же ничего, я так, случайно...

– Ничего себе случайно! С одного удара разбойника свалил! Пойдем!

– Я... э... мне домой надо, дочка там осталась.

– Ну, хоть скажи, как тебя звать? За кого мне Гилфингу молиться?

– Да... Знаешь, лучше не надо никому рассказывать. У разбойников здесь повсюду глаза и уши, – Лукас невольно огляделся по сторонам. – Если они проведают, что я...

– Ну, как хочешь! Тогда я своих догонять?

Парнишка сделал несколько шагов, оглянулся. Помахал рукой Лукасу и торопливо зашагал к городу.

* * *

Художник же повернул обратно к лесу и медленно побрел в сторону дома.

День выдался душный и необычайно жаркий. Солнце, проглянув сквозь мутную серую пелену, палило нещадно. Идти было тяжело, ноги вдруг стали, как ватные, перед глазами плыл туман. Только теперь Лукас, наконец-то, осознал, что находился недавно на волосок от гибели. При этой мысли все сжалось внутри от страха. Надо же, ведь сражаясь с разбойником, совсем ничего не боялся, а теперь вот, поди ж ты, дрожит, как осиновый лист, несмотря на жару.

Лукас сошел с дороги на обочину, спрятался от палящего солнца под тенью высокого ясеня. Долго стоял, прислонившись спиной к шершавому стволу, смотрел на широкие, раскидистые ветви. Постепенно приходил в себя. Лес, тишина, только листья едва шелестят на ветру, да птицы вот снова поют. Будто вовсе и не было криков и стонов, лязга оружия и хруста раздробленных костей. Тихо, спокойно в лесу.

«Как-то уж слишком даже тихо», – вдруг подумал Лукас.

И именно в этот момент неподалеку раздались голоса.

Вскоре из-за деревьев показались несколько стражников. Они прошли мимо, не обратив внимания на Лукаса. Только один оглянулся и внимательно посмотрел на художника.

Лукас узнал в нем сержанта Бэра и почтительно поздоровался. Тот еле заметно кивнул головой. Однако, пройдя немного, вдруг остановился и что-то негромко сказал своим спутникам. Те сначала слегка замедлили шаг, но тут же уверенно двинулись дальше. А Бэр повернул назад и подошел к художнику.

– Вы, кажется, ранены, любезнейший? – заботливо осведомился он.

Тут только Лукас заметил, что его ладони и чуть ли не весь правый рукав до самого плеча залиты кровью.

– Да нет... я тут просто шел мимо...

– Просто шли мимо? – удивился Бэр. – Право же, не скромничайте, признайтесь, что тоже сражались с разбойниками. Вас видели возле обоза с оружием в руках, – почему-то шепотом добавил он.

– Ну, в общем, да, так получилось...

– Понимаю, не могли остаться в стороне, – натянуто улыбнулся Бэр, и в его глазах сверкнул недобрый огонек. – Однако впредь советую быть осторожней. Кроме того, – сержант опять перешел на шепот, – человек, который не служит, то есть не солдат, не стражник, а самый что ни на есть обыкновенный человек, но при этом с оружием в руках... может быть сам случайно принят за разбойника, – неожиданно закончил он.

– Да, как же так... – потрясенно пробормотал художник.

– Ну-ну, не волнуйтесь, это я так, к слову говорю. Нисколько не сомневаюсь в вашей благонадежности. Но на будущее все-таки будьте предусмотрительней. Не каждый, знаете ли, будет доверять вам, как я, – многозначительно добавил сержант, и, не дожидаясь ответа, поспешил вслед за своими спутниками.

Художник растеряно посмотрел ему вслед. Потом быстро зашагал к дому. Пройдя уже большую часть пути, Лукас поднял руку, чтобы утереть пот со лба, и снова увидел запекшуюся кровь. Пришлось возвращаться назад, спускаться к речке.

Он долго умывался, застирывал страшные бурые пятна на рубахе.

«Хорошо, что вовремя заметил, – думал художник, – представляю, как Мона бы перепугалась, увидев кровь».

Лукас решил ничего не рассказывать дочери. Да и самому хотелось поскорей забыть этот день, как страшный сон. Художник быстро шел по залитой солнцем знакомой тропинке. Слава Гилфингу, он уцелел, жизнь продолжается. Дома его ждут незаконченные картины. Ну, и дочка, конечно, тоже ждет. Вот ведь снова в окошке горит свеча. Видать, Мона зажгла, когда в лесу стемнело, да так и забыла погасить.

Художник, подходя к дому, еще издали заприметил едва заметный при свете солнца огонек, и, глядя на него, невольно улыбнулся.

Глава 10

Едва только возчики в воротах расслышали слова Свена, началась паника. Те, кто собирался выехать из Пинеда, разворачивали телеги, чтобы остаться под защитой городских стен, вновь прибывшие тоже нахлестывали лошадок, спеша внутрь. Тут же несколько повозок сцепились осями и оглоблями, ездоки подняли крик, чествуя и проклиная друг дружку, лошадок и разбойников. Пешеходы торопливо сновали вокруг, прижимаясь к створкам ворот, чтобы не угодить под колесо.

Коням передалось лихорадочное беспокойство, животные тревожно храпели, один молодой жеребец норовил подняться на дыбы, дергая упряжь... В общем, воцарилась суматоха. Несколько минут Свен пялился на толкотню в воротах, затем вспомнил об обязанностях начальника караула и бросился вниз, сзывая подчиненных. Ополченцы принялись распахивать пеших и растаскивать из портала повозки, но от их усилий паника только росла. Наконец телеги все же удалось вкатить внутрь, и Свен велел возчикам проехать по улице дальше от ворот – парень рассудил, что сейчас потребуется дать дорогу беглецам. В самом деле, пока расчистили проход, как раз подоспели люди из разгромленного каравана. Первыми были несколько слуг, эти бросились бежать, едва началась заваруха. Потом показались латники из конвоя и городская стража – вернее, то, что от нее осталось. Сержант Бэр, проходя в ворота, бросил подмастерьям из команды Свена:

– Будьте начеку. Неровен час, нагрянет сюда Марольд Ночь, так ворота сразу на запор! Кто тут за старшего? Ты, парень? Вели своим воякам затворять ворота при малейшей угрозе. Я сейчас в ратушу, доложу совету, и к вам сюда вернусь.

Свен подумал, хорошо бы Бэр возвратился поскорей. Если командование возьмет на себя опытный сержант, станет спокойней. Но Бэра не было, зато появилась мамаша, груженная корзинами со снедью. На базаре народ уже прослышал о нападении, причем слухи, как это обычно случается, оказались сильно преувеличенными – якобы банда Марольда вот-вот ворвется в город.

Увидав, как ненаглядное чадо, вместо того, чтобы раздувать мехи под присмотром мастера Мейдера, торчит в воинском снаряжении у городских ворот, старуха, с размаху швырнув ношу под ноги, принялась орать, что вот он настал, конец света, потому что некому защищать этот распроклятый город (чтоб ему дотла сгореть!), кроме ее мальчика! Что солдаты из Гонзора (чтоб им всем под землю провалиться!), вместо того, чтобы охранять мирных обывателей, сами бегут под защиту «бедного ребенка»! Свен краснел, бледнел, не зная как прервать потоки мамашиного красноречия. Наконец брякнул:

– Мама, меня поставили начальником в воротах...

Старуха тут же прекратила браниться и громогласно провозгласила:

– Начальником! А что? Я всегда знала, что мальчик себя покажет! Начальником!

Гордо оглядев толпу у ворот, она подобрала корзины и, грозно топоча башмаками, зашагала к дому.

Тут в ворота вступила новая группа беглецов. Полдюжины латников сопровождали толстяка в нарядном камзоле, усаженного верхом без седла на упряжную лошадь. Шляпу всадник потерял, волосы его были растрепаны, а лицо пересекала свежая ссадина.

– Смотри-ка, и господину казначею нынче досталось, – тихо произнес кто-то рядом со Свеном.

Парень оглянулся и узнал в говорившем пожилого стражника, прибывшего с предыдущей группой беглецов. Тот, перехватив взгляд подмастерья, сразу отвернулся.

Толстый казначей боком сполз с коня (Свен подумал, что бедняга отбил нынче жирный зад о лошадиную спину), латники заботливо поддерживали вельможу под руки. Потрогав сса-

дину, толстяк поднес ладонь к глазам. Вид собственной крови – а еще и наверняка острое чувство пережитой опасности – привел его в ярость. Тряся малиновыми щеками и грозя окровавленным кулаком, казначей стал орать, что уж теперь-то разбойнику не спустят, теперь-то Марольд Черный ответит за все! Уж казначей-то добьется, чтобы в Пинед прислали сильный отряд и схватили злодея!

– Гилфингом клянусь! – визжал толстяк. – И месяца не пройдет, а этого мерзавца по городу проволокут в цепях! Живого или мертвого!

– Ишь ты, – буркнул давешний стражник, – как его милость-то раздухарились... Сколько мы жалоб подавали, сколько мастер Эдвар просил подмогу, никто не пошевелился. А как на своей шкуре начальство почуяло, каков Марольд Ночь, так сразу – в цепях! Живого или мертвого!

Говорил солдат совсем тихо, но Свен услышал.

* * *

Толстый казначей, сопровождаемый латниками, удалился. Должно быть, отправился в ратушу, срывать досаду на членах городского совета. Мало-помалу толпа у ворот растаяла. Возчики все еще опасались покидать Пинед, но и торчать на тесном пяточке тоже глупо. Каждый, должно быть, уже надумал, чем можно заняться в городе во время этой вынужденной задержки.

Те же, кто только собирался на рынок, и подавно отправились по делам. Свен поглядел на дорогу – больше беглецов не было, тьма на горизонте рассеивалась. Дым, поднимавшийся от подожженных фургонов, стал пожиже.

Показался Бэр со стражниками. Вместе с ними явились латники – те, что сопровождали обоз. Вид у всех был невеселый, что, впрочем, вполне естественно.

– Ну, как тут у вас?

– Все тихо, мастер сержант. – Свен развел руками, мол, не о чем докладывать. – На дороге никого.

– Господин казначей изволят гневаться, – сказал Бэр, покосившись на столичных солдат. – Велено снова к обозу отправляться. Ничего в той стороне не видать?

– Ничего, – кивнул подмастерье. – Посветлей там стало, у холмов. И дымит не так сильно. Может, разбойники уже убрались?

– Хорошо бы, если так, – вздохнул Бэр. – Да и в самом деле, чего им торчать на дороге? Забрали добычу, и ходу... Известное дело...

Еще раз, оглянувшись на отданных под его начало чужих солдат, сержант вздохнул и буркнул:

– Пойдем, что ли...

Звения доспехами, войско двинулось по дороге. Солдаты шли, не спеша, а сержант и не думал их поторопить. Стражников легко было понять – только что они были разбиты, и не надеялись справиться с бандой Марольда, но если попала начальству вожа под хвост – делать нечего, нужно исполнять приказ. А чем медленней они будут идти, тем дальше уберется Марольд. Свен провожал солдат взглядом, пока отряд не скрылся в лощине. Снова сделалось тихо и скучно.

Солнце припекало, в шлеме и куртке стало жарковато, подмастерье прошел в тень, постоял под стеной, несколько минут разглядывал пустой тракт... потом поднялся на башню, где камни еще хранили прохладу и дул ветерок. Разглядывая, как бледнеет и тает темное пятно вдалеке между холмами, Свен задумался. Из разговоров в толпе он понял, что накануне заезжий колдун пытался устроить засаду злодею Марольду в доме Лоры. Значит, красавица не врала о «серьезных людях», которые делают ей подарки? Выходит, так...

Свену стало досадно. Хотя, с другой стороны, что в этой Лоре? Обычная вертихвостка. Да. Если уж связалась с таким отъявленным злодеем, как Марольд Ночь, то Свену она не нужна. Свен – о-го-го! Вот сейчас он уже начальник караула, а дальше... Что дальше, парень не знал, но чувствовал, что держать оружие в руках ему нравится. Эх, выдался бы только случай показать себя, а уж он не растеряется! Среди латников, сопровождавших казначея, Свен приметил молодого парня, едва ли намного старшего, чем он сам. Солдатик держался очень бойко и хвастал, что нынче сразил двоих разбойников, охотно демонстрируя окровавленный клинок. И снаряжение у латника было почти такое же красивое, как у давешнего гонца. Вот если бы попасть на службу... Свен справится не хуже, чем этот солдат!

Говорят, скоро у них будет герцог, молодой принц Алекиан, старший сын самого императора! Наверное, это очень воинственный вельможа – так, может, он объявит набор в гвардию? Может, захочет отправиться в поход? Принцы должны любить войну и подвиги, как же иначе? Вот тогда бы Свен подался в столицу и нанялся в гвардию... а почему нет? Хотя бы простым копейщиком или оруженосцем – для начала. А уж потом... потом... Подмастерье размышлял, как возвратится из похода в родной Пинед... на нем звенящая кольчуга, надраенный шлем, меч в красивых ножнах... Вот тогда-то и Лора поглядит совсем иначе. А у Свена, само собой, отыщутся в кармане подарки для красавицы. Ведь на войне случается добыча, трофеи! И Лора... то есть – тьфу! – какая Лора? Тогда любая девушка будет рада вниманию героя Свена. Так что дело теперь за немногим – только бы попасть в солдаты.

* * *

Спустя час в Пинед возвратился стражник с поручением Бэра – прислать несколько повозок. Требовалось вывезти тела убитых и остатки груза с разбитых фургонов. Кто-то из членов совета распорядился, и требуемый транспорт стал собираться у ворот. Возчики расспрашивали стражника, присланного Бэром, тот охотно рассказывал, что творится на дороге. По его словам выходило, что убитых немного, всего около десятка. Зато из груза почти ничего не уцелело. Пару фургонов сами разбойники подпалили сгоряча, да так и не стали гасить огонь, и без того добыча нынче им досталась огромная. Еще стражник сказал, что с полдюжины столичных солдат, которые разбежались по округе и которых уже сочли убитыми, вернулись к дороге.

Кто-то заметил, мол, городу, в общем-то, повезло – Марольд ограбил казначея не после, а до того, как тот получил подати со здешней общины. Стало быть, Пинед полностью рассчитается с гонзорской казной, а вот тем, чьи взносы похищены Марольдом гораздо хуже – с ними-то еще неизвестно, как обойдется начальство. Не велит ли заново взыскать налог? На умника тут же зашикали, напоминая о гибели пинедских стражников... но Свену показалось, что эти беспринципные рассуждения пришлись землякам по душе. Все были довольны, что Марольд не похитил налогов с Пинеда.

Наконец телеги собрались и покатали прочь. Мало-помалу по городу распространились более или менее достоверные известия о нападении и о том, что разбойники скрылись. Крестьяне и купцы, задержавшиеся в Пинед, теперь отправились восвояси, затем возвратился Бэр и посланные с сержантом люди. Сперва Свену с ополченцами велели сдать пост в воротах – его сменят городские стражники. Но вскоре стало известно, что казначей спешит покинуть город с тем, что уцелело от разграбления, и требует, чтобы местная стража сопровождала его в пути. Поэтому Свен до самого вечера красовался в воинском облачении и мечтал о карьере солдата.

Господина казначея со всем возможным почтением снарядили и поскорее отправили с гилфинговой помощью в направлении замка Ойц, где его милость собирался остановиться на ночлег. В спешке, разумеется, был определен резон: вряд ли Марольд соберется дважды в течение дня устроить засаду – значит, есть смысл выступить сегодня. Тем не менее, стражники, которым предстояло шагать до ночи, ворчали и ругались.

К вечеру стража не возвратилась, должно быть, солдаты заночевали в замке. Свена сменили, и он отправился, как обычно, в «Счастливое колесо». Лоры нынче не было – наверное, приводила дом в порядок после потасовки, устроенной у нее чародеями. Да Свен и не жалел, что девушка не пришла. Больно надо! Ополченцам, которые несли нынче караул вместо стражи, город заплатил по несколько грошей, так что Свену было на что купить пива. Присев в углу, парень слушал, о чем толкуют в трапезной.

Говорили сегодня, разумеется, только о нападении на казначейский обоз. Как ни странно, многие, особенно приезжие, не так проклинали разбойника, как восхищались его дерзостью и отвагой. Пинедские в ответ отмалчивались, они-то сами платили дань Марольду, Свен это знал доподлинно. Так что и хвалить грабителя местным было не с чего...

Какой-то купчик, хваставший, будто знаком с господином казначеем и успел сегодня перекинуться с его милостью парой слов, утверждал, что не пройдет и месяца, как округу очистят от разбойников. Во-первых, казначей не на шутку разозлен и поклялся известить Марольда Черного. Во-вторых, он, разумеется, сумеет убедить господина сенешаля, что негоже, если его светлость герцог по прибытии каким-либо образом прознает о бесчинствах в провинции. А уж что прознает – не приходится сомневаться. У господина сенешаля полно завистников, которые не упустят случая донести о его нерадении сеньору. Так что, как ни крути, а скоро сюда заявятся герцогские солдаты – и Марольду крышка.

Несколько человек принялись спорить, дескать, Марольд Ночь силен и с ним бы давно управились, будь такой подвиг страже по плечу. Осведомленный купчик возражал, что сегодня дерзкий разбойник откусил больше, чем сможет проглотить. Ограбить герцогскую казну – это вовсе не то, что щипать купцов на большой дороге. Свен слушал и помалкивал. Когда сюда придут солдаты из Гонзора, он своего не упустит, непременно поступит на службу. Лишь бы мама не помешала.

Глава 11

На следующее утро Свен вышел на работу в кузницу, и жизнь покатила по привычной колее. Подмастерье изо дня в день раздувал мехи, подсчитывал гвозди и подковы, перегружал уголь... и ждал. Он ни капельки не сомневался, что толстый господин казначей не забудет о Марольде. Не забудет не потому, что вверенная его заботам казна претерпела ущерб... и даже не совсем потому, что, упав с лошади, он поранился. Толстяк не простит урона, нанесенного его чести. Никто не смеет покушаться на господина казначея – таков раз и навсегда установленный порядок вещей и он должен оставаться незыблемым, пусть даже Мир провалится в тартарары. Никто не смеет ограбить казну герцога и уйти безнаказанно. У герцогов, принцев и казначеев имеется нечто, чего нет у простого подмастерья, и за покушение на что вышеупомянутые господа безжалостно карают. За неимением лучшего названия это «нечто» именуют честью, хотя это «нечто» имеет мало общего с честью, о которой говорится в легендах и рыцарских романах.

Город тоже вернулся к обычной жизни. На место покойного Эдвара назначили Бэра, однако нового набора в стражу – взамен погибших солдат – объявлено не было. То ли потому, что городские власти сомневались в наличии добровольцев, то ли потому, что никто не верил в способность стражи защитить Пинед от разбойников. Все, словно сговорившись, старались не вспоминать о разграбленном караване и исправно платили Марольду дань. Свен ни разу не видел, чтобы Мейдер толковал о чем-либо с разбойниками, но был уверен – хозяин платит, как все. Весь город платит и молчит.

Единственным местом, где разговоры о недавней схватке на дороге не прекращались, была трапезная «Счастливого колеса». Приезжие, прослышавшие о происшествии, расспрашивали местных. Горожане отмалчивались, и только кабатчик охотно потчевал любопытствующих гостей байками о Марольде Черном – с каждым вечером его рассказы становились все красочней, кровавей и нелепей. Свен особо не прислушивался.

Время от времени на постоялый двор заходила Лора. Местные кавалеры опасались проявлять интерес к девушке, так как в городе было доподлинно известно – Марольду засаду устраивали именно у нее в доме. Кому охота перебежать дорогу знаменитому разбойнику? Зато заезжие купцы охотно знакомились с общительной красоткой. Свен к Лоре больше не подходил и не пытался заговаривать. Он ждал. И, наконец – свершилось!

В город вступил отряд под герцогским знаменем. Солдат было немного, человек тридцать – явно недостаточно для схватки с бандой Марольда. Командир латников, дворянин в надраенных доспехах, сразу же по прибытии отправился в ратушу и потребовал созвать совет. Перепуганным синдикам он, грозно шевеля усами, объявил, что явился сюда, чтобы навести порядок, раз уж они, нерадивые людишки, не в состоянии очистить окрестности Пинеды от злодеев. Сунув под нос старшему из горожан бумагу с несколькими красивыми печатями разных цветов, вояка потребовал жилье и пропитание для своих людей, а также для тех, кого он намерен завербовать, ибо вот эта самая бумага позволяет и предписывает ему в случае нужды заниматься вербовкой и созывать ополчение.

Слухи мгновенно облетели город, и Свен, отпросившись у Мейдера, отправился к ратуше, чтобы разузнать, где записывают в войско. Кроме Свена добровольцами вызвались еще несколько парней – слишком мало. Грозный начальник гонзорских солдат велел писарю внести их имена в список, однако заметил, что людей у него все же недостаточно и потребовал, чтобы синдики объявили сбор городского ополчения. Те принялись спорить, свой отказ они мотивировали тем, что город и так понесет немалые убытки, ибо общине придется содержать войско. Следовательно, горожане должны трудиться, чтобы заработать на прокорм воинов... К счастью, кто-то вспомнил, что неподалеку, в Генете, видели отряд наемных солдат из Ренприста, их капитан ищет службы.

Гонзорский рыцарь, обругав напоследок несговорчивых пинедцев, отправился в Генету переговорить с капитаном наемников.

На следующий день в Пинеде было объявлено: совет временно вводит новый налог, собранные деньги пойдут на содержание наемников. Разумеется, горожане бранились, но все понимали: лучше отделаться деньгами, чем проливать кровь, сражаясь с бандитами Марольда.

* * *

Мейдер, конечно, прознал, что Свен собирается участвовать в походе, но помалкивал, хотя и косился на неразумного помощника. Выражать неудовольствие открыто кузнец не хотел. Потом все же не выдержал и спросил:

– Так что, парень, мне нового подмастерья подыскивать?

– Как вам будет угодно, мастер Мейдер, – спокойно отозвался Свен. – Я только думаю, что с такими сыновьями подмастерье ни к чему.

Кузнец кивнул, и на этом разговор был окончен. Скорей всего, Мейдер так или иначе рассчитал бы Свена, сыновья в самом деле справлялись, и стечение обстоятельств просто ускорило увольнение.

А через два дня в Пинед прибыл отряд наемных солдат. Эти вовсе не походили на франтоватых герцогских латников. Было наемников человек пятьдесят и едва ли среди них нашлось бы двое в одинаковом снаряжении. Солдаты удачи щеголяли в совершенно разномастных кольчугах, панцирях, шлемах. Вооружены они были тоже – кто во что горазд. Впрочем, оружие наемники держали привычно, и вид имели вполне бравый. Несколько человек шагали вовсе без доспехов, правда, за отрядом следовал здоровенный фургон – возможно, там и лежало снаряжение.

Теперь рыцарь, командовавший латниками, решил, что у него набирается достаточно сил, и призвал добровольцев. Свен распрощался с Мейдером и попросил кузнеца известить мамушку. Сам он не решался, догадываясь, какой крик поднимет старуха, узнав, что сыночек идет на войну. Вот когда Свен возвратится верхом на боевом коне, облаченный в сверкающую броню, да с полными карманами монет – вот тогда он и поговорит с мамой. А раньше – нет.

Вооружили добровольцев за счет города, так что Свен получил то же самое снаряжение, что и в день нападения на караван. Когда парень довольно ловко напялил знакомую проклепанную куртку, он перехватил взгляд командира. Тот, хмурясь, наблюдал, как неумелые новобранцы возятся с непривычными застежками. Свен справился лучше других, и начальник это заметил.

Колокола пробили полдень, войско двинулось из города. Свен постарался затесаться в глубину строя, чтобы не попасть ненароком матери на глаза, но Гилфинг миловал – старухи не было видно. Должно быть, все еще пропадала на базаре, как обычно.

Логово разбойников находилось в лесу, довольно далеко от Пинеды. Свен не очень хорошо знал те края, да и кто их знал-то? С тех пор, как Марольд Ночь обосновался в старинных развалинах, которых местные и прежде избегали – их вовсе стали обходить десятой дорогой. Береженого и Гилфинг бережет.

Начальство – гонзорский вояка с капитаном наемников – еще по пути затеяли спор о плане военных действий. Из подслушанных обрывков разговора Свен уяснил, что рыцарь признает опыт и отличные боевые качества солдат из Ренприста, но последнее слово желает оставить за собой.

В конце концов, решили, что наемник вышлет своих лазутчиков, они разведают обстановку, а тем временем подоспеют основные силы. На месте все и определится – как лучше действовать и что может понадобиться для взятия марольдова логова. Любопытный подмастерье подобрался поближе к начальству и внимательно слушал:

– В любом случае, – рассуждал дворянин, – разбойникам прекрасно известно, что мы выступили против них. У Марольда же в Пинеде повсюду свои люди.

– Обычное дело, – кивнул капитан, – может, стоило арестовать этих лазутчиков?

– А зачем? – рыцарь пожал плечами, звякнули латы, – всех не возьмем, только обозлим и заставим насторожиться. Вообще, в этом городишке народ ненадежный. Я думаю, многих устраивает, что в окрестностях сидят разбойники. Перекупают краденое, тайно возят продовольствие в разбойничий лагерь, в общем, так или иначе свою выгоду имеют. Но, если послушать их, то все Марольда клянут – и разбойник он, и злодей, и гангмарова напасть. Нет, пока что рано за них браться. Вот сперва с Черным разберемся, тогда всем припомним. Местный стражник... как его, Бэр, обещал, что виновных поможет выловить, едва только покончим с этим ночным грабителем. Ничего, я порядок наведу! Сперва Марольда возьмем, потом и его прихвостней выловим.

Свен слушал и удивлялся. Подмастерью не приходило в голову, что кому-то может быть полезен разбойник. Но, когда говорил этот господин, то выходило у него складно... неужто, в самом деле, так?

* * *

Затем начальство переключилось на обсуждение стратегии. Поскольку рыцарь с наемником не знали наверняка, с кем придется иметь дело, планы были пока что весьма и весьма расплывчатыми. Оба сходились на том, что банда не представляет собой особенной угрозы, опасен только сам чародей Марольд. Рыцарь заметил:

– Признаться, слава о его подвигах... э... внушает некоторые... ну, скажем, сомнения. Колдовство, всевозможные чародейские штучки... Ничего в этом не понимаю. Я так думаю...

Рыцарь понизил голос, а Свен невольно приблизился еще ближе. Благо, солдаты шагали разомкнутым строем, и занять любое место в колонне не составляло труда.

– Я думаю, честному человеку ни к чему разбираться в грязном чернокнижии.

– Совершенно с вами согласен, сэр, – кивнул наемник. – Для этой работы у нас есть колдун, вон, рядом с фургоном идет. Рекомендую прислушиваться к его советам, а самому задумываться незачем.

Свен покосился на человека, в чью сторону кивнул капитан. Колдуном оказался невзрачный мужчина средних лет, шагавший среди наемников. В колонне он ничем не выделялся, разве только тем, что при нем не было никакого оружия. Одежка колдуна казалась также самой заурядной, ни плаща, вышитого странными символами, ни остроконечной шляпы. И палка, на которую при ходьбе опирался чародей, выглядела совсем обыкновенно. Ничего похожего на красивый посох с блестящим набалдашником, как у толстого петерова наставника. В общем, внешность этого мага не внушала особого почтения. Должно быть, то же самое впечатление отразилось и на лице рыцаря, во всяком случае, капитан наемников счел нужным повторить:

– Очень знающий маг, не смотрите, что выглядит так скромно. Он не из болтунов, наш старина Герт. Молчалив и надежен, а что еще требуется от чародея? Не сомневайтесь, мой маг сможет противостоять чарам разбойника Марольда.

Тут на опушке показался один из дозорных, высланных капитаном. Солдат сказал, что здесь пора сойти с тракта и углубляться в лес. В самом деле, в чащу вела широкая тропа. Дорога, которой пользовались разбойники, была хорошо утоптанной, по ней явно частенько ходили. Один из солдат обратил внимание на колеи – здесь и телеги ездили. Ну да, разумеется, герцогская-то казна исчезла вместе с транспортом!

Колонна перестроилась. Теперь в авангарде шагали наемники, за ними – добровольцы, а замыкали шествие латники. Свен оказался далеко от начальства и потерял возможность подслушивать.

Шли без опаски, капитан поручился, что его лазутчики тщательно обследовали окрестности. Минут через сорок получили приказ – остановиться и быть наготове. Пока начальство оглядывало поле боя, солдаты оказались предоставлены сами себе. Пожилой наемник указал:

– Вон, на горе лагерь. Пришли, значит.

Свен взгляделся – в указанном направлении деревья редели, в просвете показался холм, отделенный от опушки просекой. На холме темнел частокол, впрочем, не слишком грозный. За частоколом можно было различить соломенные крыши невысоких строений, да маячила полуразрушенная каменная башня. Похоже, дальняя стена осыпалась, так что проемы окон четко вырисовывались на темном силуэте.

– Эй, парень, – окликнул солдат Свена, – а эльфы в ваших краях жили?

– Жили, – подтвердил подмастерье. – Давно, разумеется, лет сто пятьдесят назад, а то и больше. Даже Белая Башня неподалеку была. Там нынче монастырь. Башню великий король Фаларик разрушил, поселение сжег, а на фундаменте монастырь гунгиллиных сестер ныне возведен.

– Там была не просто Белая Башня, – раздался скрипучий негромкий голос, – это была Белая Башня короля Фреллиноля, того самого, что играл на Свирели Гангмара и сошел с ума.

Свен оглянулся – позади стоял колдун Герт и поверх их голов разглядывал укрепление Марольда. Заметив, что парень уставился на него, отвел мутные глаза и побрел в сторону, бормоча:

– Что за люди, не знают истории своего края... Здесь сложил голову безумный Фреллиноль, любимец Матери Гунгиллы, здесь она уронила слезу на его бездыханное тело... Именно здесь. В этом забытом Гилфингом краю...

Беседуя с самим собой, колдун удалился. Старый наемник заметил:

– Не обращай внимания, парень. Он всегда так. Бормочет, бормочет... а маг толковый. Хотя и немного тронутый – вроде того короля Фреллиноля.

Глава 12

Прошел месяц с тех пор, как Лукас подрядился расписывать стены Пинедской обители. Все это время жизнь в монастыре размерено шла своей чередой. Казалось, гунгиллиных сестер не касаются события, происходящие за стенами их тихого мирка, никакие вести не проникают сюда, ничто не способно нарушить покой святого места. Да и сам художник не особенно интересовался новостями. Работа захватила его целиком – позабылись и визит Марольда, и схватка на дороге... да и разбойник, сраженный Лукасом, перестал появляться во сне.

К началу лета все оштукатуренные поверхности были тщательно промерены, подробнейший план составлен, а предстоящие расходы кое-как согласованы со скупой и сварливой матушкой Ганой... хотя Лукас и подозревал, что вздорная старуха еще не раз затеет торг сызнова. Но художнику не терпелось наконец-то взяться за эскизы, и он, махнув рукой на предстоящие неприятные объяснения с настоятельницей, начал рисовать. Перво-наперво Лукас набросал композицию молитвенного зала. В самом центре – Гунгилла горько плачет над мертвым эльфом.

Работая с картиной, Лукас все чаще вспоминал унесенную разбойником книгу. Как хотелось заглянуть в нее хоть одним глазком! Напрасно мастер напрягал память, пытаясь воспроизвести старинную гравюру. Слеза Гунгиллы, превратившаяся в бриллиант, главная реликвия Пинедской обители, никак не получалась. А ведь помнил же Лукас, помнил, каким таинственным светом мерцала святая слеза на гравюре старинной книги. Как будто притягивала, манила куда-то вдаль. Казалось, сама богиня водила рукой художника, работавшего над книгой. Недаром старьевщик из Ливды твердил о волшебстве эльфов, будто бы эта книга – некий священный текст нелюдей. Глядя на картинки, Лукас и впрямь был готов поверить в чудо. А старьевщик, пронырливый мужичонка, старался, нахваливал свой товар. И ведь так складно-то сочинял, кто угодно уши развесит. Да уж, чего только не наговорил тогда болтливый старик! А потом, чуть скосив глаза в сторону, робко попросил за книгу полкелата. И ведь как был доволен, когда покупатель, не торгуясь, расплатился. Едва деньги исчезли в складках заносенной хламиды старьевщика, тот, ухватив Лукаса за рукав, принялся уверять, что имеет еще немало волшебных сокровищ, приносящих владельцам успех и богатство, и каждое стоит сущую ерунду, просто мелочь какую-то стоит, щедрому господину художнику непременно следует взглянуть... Лукас тогда и не прочь был посмотреть. Да только, жаль вот, очень торопился. Работа срочная ждала. Он и в Ливде-то в тот раз проездом оказался. Собирался снова приехать, но не довелось. Жена захворала и вскоре умерла. Пока ухаживал за ней, растерял заказчиков, потому что отказал нескольким клиентам. Пришлось снова уезжать, снова пробавляться в чужих краях случайными заработками... Вот только картины все лучше становились, как будто сам Гилфинг вдруг глаза ему открыл. Такую красоту он раньше сотворить и не мечтал. Но разве кто-то понимает? Куда не приедешь, всюду слухи идут, будто картины Лукаса несчастье приносят. Вот и в Пинедде опять... А чем он виноват? Даже колдун подтвердил: нет проклятья на его работах. В жизни ведь сплошь и рядом случаются всевозможные беды, таков уж этот Мир... глупо связывать несчастья с картинами, но людям нравится находить виноватого. Ну, вот и находят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.